
НАТАЛЬЯ КОДРЯНСКАЯ
ГЛОБУСНЫЙ
ЧЕЛОВЕЧЕК
РИСУНКИ
Ф. РОЖАНКОВСКОГО

Того же автора:

СКАЗКИ

Предисловие Алексея Ремизова

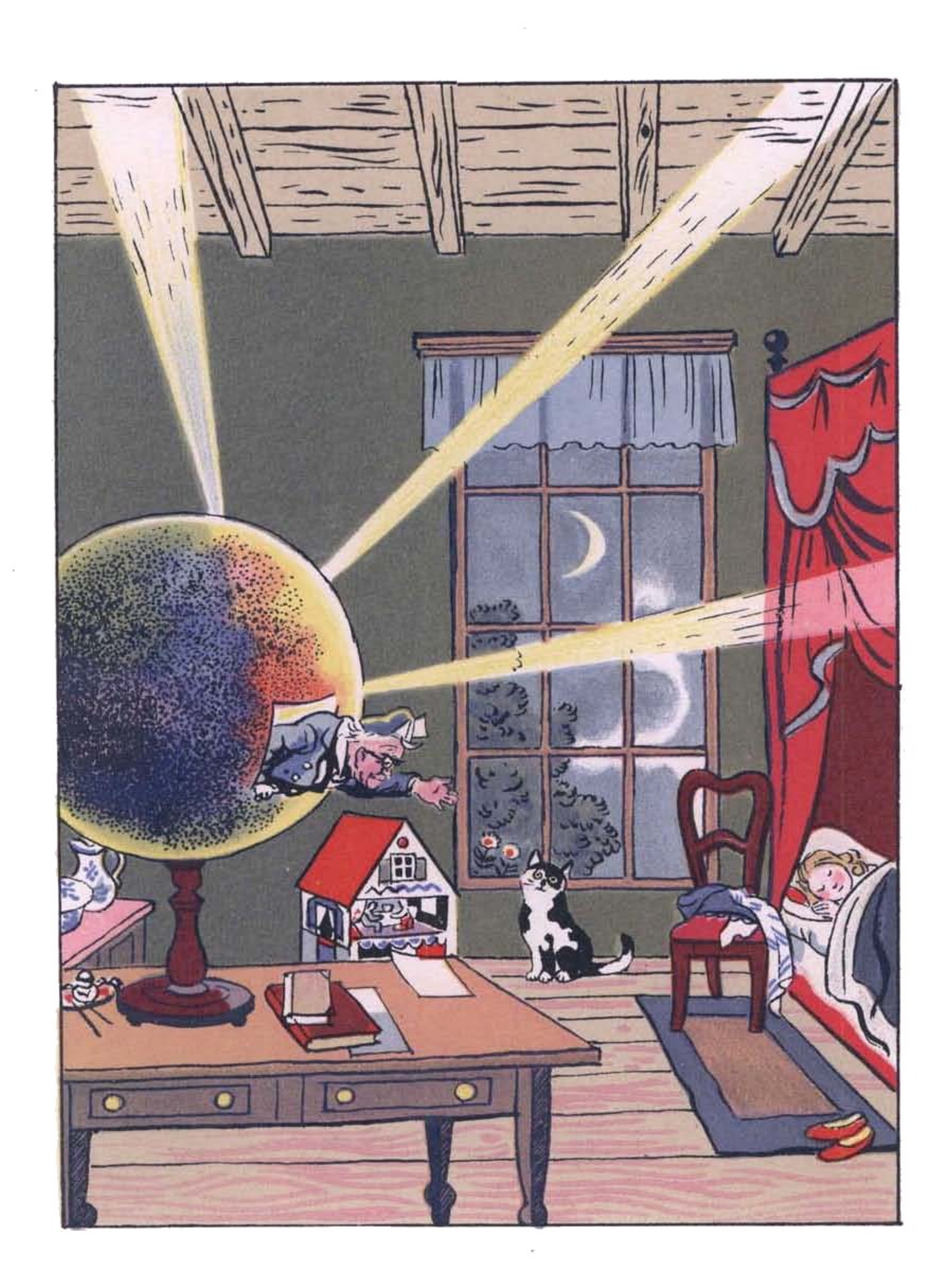
Иллюстрации Наталии Гончаровой

Париж, 1950

ГЛОБУСНЫЙ

ЧЕЛОВЕЧЕК

СКАЗОЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

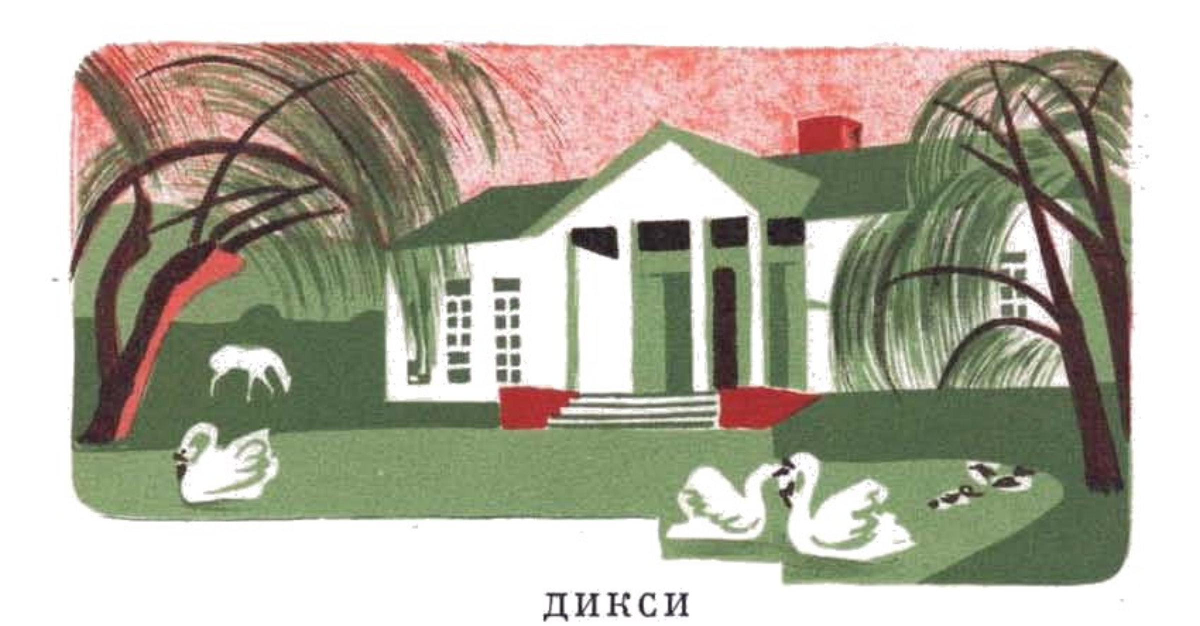

НАТАЛЬЯ КОДРЯНСКАЯ

ГЛОБУСНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

ИЛЛЮСТРАЦИИ ФЕДОРА РОЖАНКОВСКОГО

ДИКСИ

Дикси жила со своими родителями и котом Блэком в небольшом с белыми колонками доме, на самом берегу озера, где под широким палевым зонтиком ивы вместе с лебедями плавали серые уточки.

Под окнами дома росли ромашки; вытягиваясь на тонких стебельках, они старались заглянуть в комнату к Дикси — что Дикси поделывает

В комнате стояла белая кровать, рабочий стол с разноцветными книжками, пузатый комод с всегда полуоткрытым нижним ящиком. Из ящика иногда высовывалась черная с белой метиной лапа, а то и длинный пушистый хвост кота Блэка, облюбовавшего этот ящик для послеобеденного сна. В углу стоял большой кукольный дом, на первом этаже жили старички, а под ними целое семейство: отец, мать и две дочки.

Дети ходили к старикам в гости, и старички их угощали чаем — этот чай Дикси тут же приготовляла на маленькой эмалированной плите. Или же все семейство рассаживалось в гостиной, и Дикси брала с полки книгу и читала им вслух. Ромашки, подняв головы повыше, видели, как старички, чуть склонившись, внима-

тельно слушали. Девочки старались завязать ленты, как они были завязаны у Дикси. Мать строго грозила им пальцем: не мешали б читать. Отец, затянутый в темносиний сюртук щеголь, нередко под чтение засыпал. Но стоило Дикси на него взглянуть, он тотчас же просыпался.

За домом, где жила Дикси, был сад. Когда дул ветер, сад размахивал зелеными лапами елок и своей густой тенью заслонял дом от прохожих.

Дикси и кот Блэк были неразлучны. И только когда Дикси учила уроки, Блэк, не желая мешать, садился в сторонку и делал вид будто думает о чем-то важном, а на самом деле просто дремал и ловил во сне мышек.

Дикси исполнилось семь лет, и она получила в подарок давно обещанный глобус. Такой большой, что кот Блэк потратил немало времени, чтоб осмотреть его со всех сторон, а влезть так и не мог — всякий раз скатывался с его круглых голубых боков.

Вечером, не успела мать Дикси потушить свет и выйти из комнаты, как раздался легкий треск, вспыхнули и золотым фейерверком рассыпались искры; глобус, медленно поворачиваясь, осветился изнутри, как волшебный фонарь, и по обоям комнаты раскинулись неведомые Дикси страны, высокие горы, долины, реки и моря, по которым плыли казавшиеся маленькими пароходы.

Как чудесно! — подумала Дикси и вдруг увидела: в глобусе открылась дверка. Из дверки вышел маленький смешной человечек. В руке он держал чемодан, на чемодане пестрели цветные этикетки отелей всех стран света, а на круглой как шар голове человечка покачивался голубой хрустальный кораблик.

— Вот я и приехал, — весело сказал человечек. Он внимательно осмотрел комнату, влез зачем-то на шкап, оттуда мячиком перепрыгнул на подоконник. Поглядел в окно и видимо остался всем очень доволен.

— Мне нравится твоя комната, — сказал он, приветливо смотря на Дикси, — да и отдыхать здесь будет гораздо приятнее, чем в гостинице, — и он рассказал Дикси, как все время ездит из одной части света в другую.

— Для удовольствия и для надзора, — ответил он на вопрос

Дикси почему он так много путешествует. — Вот я только что был в Китае, там одна большая река, не предупредив, решила переехать в другое место — и случилось наводнение.

Дикси захотелось путешествовать. Она стала просить глобусного человечка, чтобы он взял ее с собой, когда в следующий раз куда-нибудь поедет.

— Я согласен, — сказал человечек, — но при условии, что ты будешь хорошей девочкой, и конечно, не в те дни, когда надо готовить уроки, а утром рано вставать идти в школу. Помни, только хорошим людям мир открывается во всей своей красоте. А пока, спи спокойно.

Утром, проснувшись, Дикси подбежала к глобусу и принялась его тщательно осматривать. Но она так и не нашла дверку, через которую скрылся человечек.

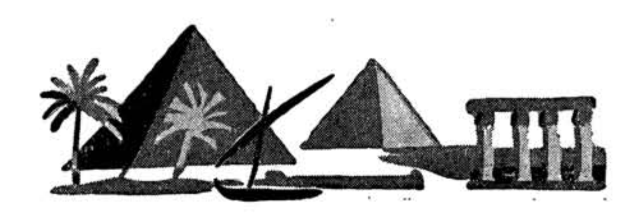
Прошло несколько дней, а глобусный человечек все не появлялся.

Неужели он обманул меня? — думала с огорчением Дикси.

И вот однажды, когда она уже засыпала, глобус ярко осветился, с треском посыпались искры, на стенах появились моря, горы, долины. В глобусе открылась потайная дверка и вышел глобусный человечек. На его голове весело покачивался хрустальный кораблик.

— Здравствуй, Дикси! — сказал глобусный человечек, — видишь, я не обманул тебя. Все это время ты была хорошей девочкой и заслужила, чтобы я взял тебя с собой. Скажи, куда ты хочешь ехать, и мы сейчас же отправимся.

Дикси от радости захлопала в ладоши: как раз сегодня учительница рассказывала о пирамидах, о Ниле, о гиппопотамах, и Дикси попросила человечка повезти ее в Египет.

ЕГИПЕТ

Глобус широко раскрылся. Дикси и кот Блэк вошли в него и очутились в подъемной машине. Глобусный человечек нажал на рычажок, и они начали быстро спускаться. На табличке с обозначением всех стран света зажглась надпись «Египет», и не прошло мгновенья — подъемная машина остановилась, дверца распахнулась, и они уведели перед собой голубой Нил.

Глобусный человечек снял с головы свой хрустальный ко-

раблик и пустил его на воду. И вот, к удивлению Дикси, кораблик стал все расти и расти и превратился в настоящий двухмачтовый корабль. Они поднялись на борт и поплыли мимо островов, мимо отмелей, вниз по Нилу. Крокодилы, не только молодые, но и старые, при виде глобусного человечка почтительно уступали кораблю дорогу.

С берега из-за зеленых зарослей папируса смотрели на них яркоглазые антилопы и водяные козлы с витыми рогами. На песчаной косе толпились цапли, лысые марабу, хохлатые королевские китоглавы. Шумным хлопаньем крыльев они приветствовали проезжих. Целое семейство купавшихся бегемотов поплыло за кораблем, но скоро отстало.

Корабль мчался все быстрей, и они очутились в окрестностях Гизеха. На берегу их ждал верблюд. Важно покачиваясь, верблюд повез их по полям, еще разбухшим от весеннего разлива — прямо в пустыню. Мимо больших пирамид, мимо загадочно улыбающегося сфинкса с каменными лапами, наполовину потонувшими в раскаленном песке, в которых он держит, как жемчужину, маленький храм, мимо поселков и городов — в шум и сутолоку Александрийского базара. На земле были разложены товары: горы фиников и бананов, красные фески, узорчатые ковры, медные, горевшие как солнце, подносы. Перед дверьми гостиницы, сидя на низеньких стульчиках, курили кальян важные старики, а во дворе о чем-то спорили худые феллахи — погонщики длиннорогих быков, тут же стоял приведенный на продажу подтелок. Всюду толкалось много народу, особенно большая толпа собралась вокруг фокусника. Он был темнолицый, будто вылепленный из плодоносного нильского ила. Его черные глаза походили на две чашечки горячего кофе. Он пошептал что-то верблюду в ухо, и на глазах у толпы, весь целиком, с чалмой и туфлями-бабушами, влез верблюду в одно ухо, а вылез из другого. Потом он показал еще чудеснее фокус: кинул веревку вверх — и веревка повисла в воздухе. И вот он, обхватив веревку ногами и руками, с обезьяньим проворством вскарабкался до самого ее конца, и опершись на этот конец одной рукой, стал вверх ногами. Все так и ахнули, а он отпустил веревку, и перекувырнувшись в воздухе, под смех и восхищенные возгласы

зрителей, вдруг превратился в веселую старушонку, зеленым попугаем взлетевшую на крышу большого балагана.

— За пиастр, всего за один пиастр, всякий желающий может побывать в древнем Египте на приеме в царском семействе, — тараторила старушонка, вертя глазами, и подпрыгивая, ударяла в бубен.

Глобусный человечек бросил старушонке три серебряные монеты, та ловко поймала их на лету в подставленный бубен. Дикси, глобусный человечек и кот Блэк вошли в темный балаган. Маленькая обезьянка отобрала у них билеты. Зазвонил колокольчик, стены медленно начали раздвигаться и наконец исчезли. Стало ослепительно светло. Они стояли в роскошной белой зале с колоннами, расписанными разноцветными полосами. Посередине залы на троне в пышной одежде сидел лев. По правую его лапу восседала львица в ожерелье из душистых роз и сочного винограда, а возле на скамейке ее сыновья — два маленьких львенка. Лев, при виде глобусного человечка, Дикси и кота Блэка, милостиво кивнул головой и указал им на свободное кресло. Глобусный человечек и Дикси уселись рядышком, а кот Блэк стал возле глобусного человечка. Он никогда не видел таких толстых и головастых котят, как сыновья львицы, и чувствуя себя в их присутствии не особенно уверенно, счел более благоразумным не отходить от глобусного человечка.

Слуги-мартышки в длинных красных штанах, приплясывая, принесли столики и поставили перед гостями серебряные кувшины с прохладительными напитками. На золотых блюдах были разложены печенья, самые отборные фрукты и сладости. Затем вошли музыканты: обезьяны бабуины. Оркестр состоял из флейты, лютни, гобоя, двойного корнета и барабана. Дирижировал огромный гомандрил. Сам он бряцал на десятиструнной арфе. Было сыграно несколько арий, что доставило всем большое удовольствие. Певец бегемот подтянулся и молодцевато запел, жестикулируя правой, толстой как тумба, ногой. Но львице его пение видимо не понравилось, его тотчас сменили танцовщицы: серые, черные и белые ибисы. Они скользили легко и воздушно, как тени.

Когда все насладились танцами и музыкой, попили и поели

вдосталь, слуги принесли глиняные миски с водой. По примеру львов, Дикси вымыла себе лицо и руки, но кот Блэк решительно отказался от воды, и по своему кошачьему обыкновению умылся лапой.

Поблагодарив львов за чудесный прием, глобусный человечек, Дикси и Блэк отправились домой. Когда возвращаясь они плыли по Нилу, Дикси сорвала на память лепесток лотоса.

Очутившись у себя в комнате, Дикси, прежде чем лечь спать, вынула лепесток из кармана и бережно положила его на подоконник.

Проснувшись, Дикси подошла к окну посмотреть на лепесток. Но лепестка больше не было. Вместо него сидел черный с блестящими живыми глазами муравей.

— Здравствуй, Дикси, — пошевелив усами, сказал муравей таким тоном, будто давно был с нею знаком, — мое одеяло улетело в окно, и я всю ночь пролежал на холодном подоконнике. Боюсь, не простудился ли, все время чихаю. И что за блажь — схватить мирно спящего муравья и перенести его за тридевять земель!

— Когда я сорвала лепесток лотоса, мне в голову не приходило, что вы в нем спите, — сказала Дикси, — вы так в него завернулись, что вас совсем не было видно. Почему вы молчали?

— Мне казалось, что все это сон, — объяснил муравей. — и ты, и кот Блэк — верно один из слуг богини Секмет, и глобусный человечек. Все это было так занимательно, мне не хотелось просыпаться, и если бы не холод, в конце концов меня разбудивший, я бы до сих пор думал, что все это мне только снится. А теперь позволь представиться, меня зовут «Очень-плохо».

— «Очень-плохо»? Какое странное имя, — удивилась Дикси.

— Видишь ли, — сказал муравей, — когда я родился, у моей матери было уже двадцать тысяч маленьких мурашей, моих братьев. Нянька меня не заметила и обо мне забыли. А когда я объявился, требуя свою долю еды, меня прозвали «Очень-плохо». И правда, я был очень слаб; и что хорошего, когда появляется лишний рот в такой большой и бедной семье, как наш муравейник? А теперь, Дикси, поскорей отправь меня домой, а не то я умру от скуки. Ходить с тобой в школу мне не к лицу, я магистр математики

и скоро должен получить кафедру, а ты еще только в начальной школе. А мои здешние соплеменники — какие-то дикари. Я разговорился с одним из них, он показался мне очень отсталым. Да и твой дом, Дикси, разве можно сравнить с пирамидами?

— Добрый, славный муравей, — сказала Дикси, — оставайтесь у нас погостить, и я вам покажу наши замечательные небоскребы. Теперь мне, к сожалению, пора в школу, а вечером, я уверена, придет глобусный человечек, и мы обо всем с ним посоветуемся, а пока, вот вам бисквит на завтрак.

С каким нетерпением Дикси ждала в этот день конца занятий! Даже не попрощавшись с подружками, она быстро побежала домой. Ей нетерпелось поскорей увидеть своего нового друга, египетского математика. Но к ее огорчению, «Очень-плохо» нигде не было. Напрасно она всюду искала и звала его, он так и не откликнулся.

Дикси подошла к глобусу и с грустью стала рассматривать на берегу Средиземного моря страну с названием «Египет». И вдруг она заметила около Нила маленькую, с булавочную головку, дырку, и ей почудилось, что изнутри глобуса раздается знакомый тоненький голос. И действительно, это был голос «Очень-плохо»: «Прощай, Дикси, я нашел на глобусе мою родину и теперь на пути в Египет. Прощай, спасибо за чудесный бисквит». Голос «Очень-плохо» звучал все слабее и отдаленнее. «Я вижу, — говорил «Очень-плохо», — мою прекрасную родину, синий Нил, желтобрюхих крокодилов, розового младенца бегемота, цветы лотоса. Вот солнце — священный сокол: вынырнул из воды, и расправив свои алые крылья, поднимается на небо. Прощай!»

Хотя Дикси не очень любила готовить уроки, особенно решать задачи, но после поездки в Египет ей захотелось учиться лучше, чтобы глобусный человечек был ею доволен и брал с собой путешествовать.

В школе у Дикси была подруга Барбара, первая ученица в классе. Уроки у Барбары всегда были сделаны лучше, чем у всех других девочек, и учительница очень ее хвалила.

Вот Дикси и спрашивает у Барбары:

— Как это ты делаешь, что уроки у тебя всегда хорошо приготовлены?

А Барбара рассмеялась и говорит:

— Я тебе скажу, только ты никому не рассказывай. У нас на ферме есть буланая лошадь. Она хоть и старенькая, и ей трудно вставать, все же ночью, когда все спят, она потихоньку приходит с конюшни ко мне в комнату и готовит за меня уроки. Я весь вечер играю в куклы, потом ложусь спать, а утром проснусь — лошадь все уроки уже приготовила.

Вот, если бы за меня тоже кто-нибудь уроки готовил! — подумала Дикси.

Вернувшись домой, она обо всем рассказала Блэку.

Блэк внимательно слушал, тихонько и одобрительно мурлыча, а чтобы лучше сосредоточиться, он даже зажмурил глаза. Видя это, Дикси обрадовалась и стала его просить:

— Милый Блэк, пожалуйста, готовь за меня уроки, а то мне самой очень скучно.

Может быть Дикси это только показалось, но она была уверена, что кот Блэк утвердительно кивнул головой — хорошо, мол, согласен. И Дикси в этот вечер, вместо того чтобы сесть за уроки, принялась раскрашивать в книге картинки. А когда мать удивилась, почему она не занимается, Дикси сказала:

— Я, мамочка, уже все сделала.

— Правду ли ты говоришь? — снова спросила мать, пристально посмотрев на Дикси. Дикси было смутилась, но вспомнив как Блэк кивнул головой, твердо ответила: — Конечно правду.

И так она легла спать в полной уверенности, что кот Блэк все приготовит. Каково же было ее огорчение, когда утром она увидела, что Блэк даже не притрагивался к ее тетрадям — диктант не переписан и задачи так и остались нерешенными, да Блэка и в комнате больше не было. Верно пошел на кухню лакать молоко.

Хоть Дикси не хотелось, все же она отправилась в школу. И все сошло благополучно: учительница в этот день ее не вызвала к доске и никто не узнал, что она не выучила уроков и сказала матери неправду.

А глобусному человечку откуда-то стало все известно. Он вылез из глобуса насупленный, и не глядя на Дикси, молча стал укладывать в чемодан свои вещи: клетчатый плед, коньки и огромный полевой бинокль. Глобусный человечек все это аккуратно сложил, и крышка чемодана захлопнулась.

Дикси еще надеялась, что глобусный человечек возьмет ее с собой. Но он, даже не попрощавшись, полез обратно в глобус.

— Разве сегодня ты не берешь меня с собой? — робко спросила Дикси.

— Нет, и не проси, — сказал глобусный человечек. — Неужели ты думаешь, мне будет приятно путешествовать с девочкой, которая не готовит уроков и лжет своей матери?

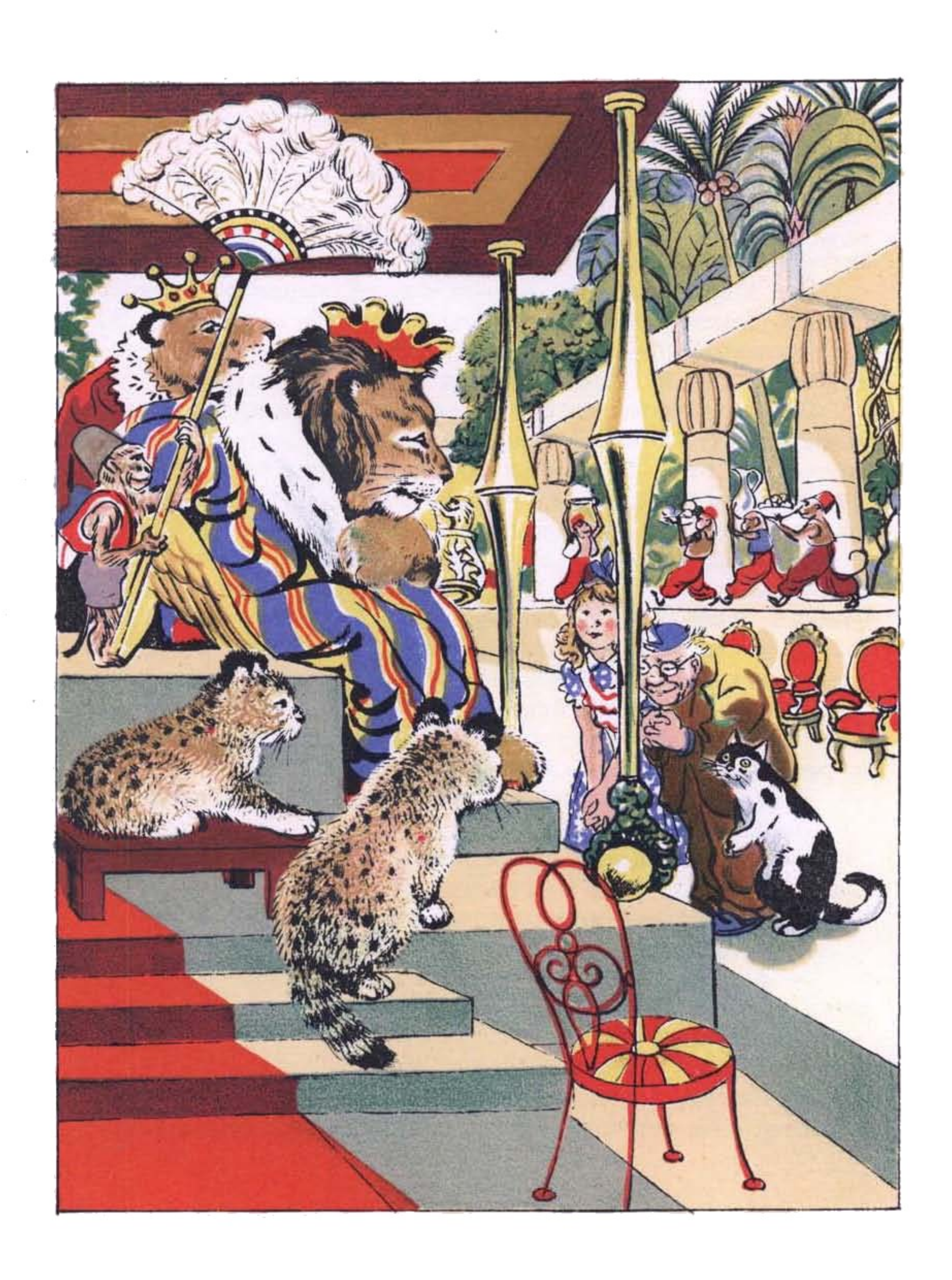
Напрасно Дикси, плача, обещала ему исправиться и всегда говорить только правду, глобусный человечек захлопнул дверцу, и глобус погас.

Проходили дни. Дикси очень скучала без глобусного человечка. Хотя он был строгий и требовательный, она успела его полюбить. А когда она вспоминала, что солгала своей матери, ей становилось стыдно.

Однажды в воскресенье Дикси с матерью пошли в зоологический сад. Побегав по парку, Дикси остановилась у ручейка. В ручейке, на одной тонкой ноге, поджав другую под крыло, в задумчивости стояли розовые фламинго. Целая флотилия пестрых уточек проплыла у самого берега. Тут же у воды хмуро разгуливал аист. При виде Дикси он недовольно отвернулся. И вдруг Дикси с удивлением услышала, как аист, лениво почесывая за ухом своей красной как сургуч лапой, сказал: «Дикси Робтон солгала своей матери».

— Что такое? — переспросила глуховатая цапля. — Повторите, пожалуйста.

— Дикси Робтон обманула свою мать, сказав, что сделала уроки, — громко прокурлыкал ей аист в самое ухо. — Эту новость, — продолжал он, — сообщил наш собственный корреспондент, индийский черный аист хаджи Леклек. Дикси солгала, и поэтому глобусный человечек не мог взять ее с собой в Норвегию, где в ее честь был устроен праздник. Для нее к этому дню было

заготовлено северное сияние. А на катке ее ждали снежные зайцы с подарками — белой войлочной шляпой и букетом синих фиалок.

— Так, так, — сказал пеликан, — хорошо еще, что эта маленькая лгунья не живет в нашем ручье, мои дети еще малы, а худой пример всегда заразителен.

— Верно, верно, — закрякали в один голос утки, выходя на берег.

Все птицы, как будто чего-то ожидая, внимательно посмотрели на Дикси. И Дикси вдруг поняла, чего они от нее хотят. Ей стало ужасно стыдно. Она подбежала к своей матери и призналась ей, что в тот вечер сказала неправду будто выучила уроки.

От всех этих волнений у Дикси вечером сделался жар. Она бредила глобусным человечком, обещая ему исправиться и больше никогда не лгать. К полночи Дикси задремала. Вдруг глобус осветился и из него вышел глобусный человечек. В руках он держал зажженный фонарь; ярко вспыхивал в фонаре огонек.

— Как я рад, — сказал глобусный человечек, — что ты во всем созналась матери. Я был уверен, ты это сделаешь, и вот приехал. Теперь уже поздно, но на днях мы непременно куда-нибудь поедем. А пока, если хочешь, я расскажу тебе сказку о двух названых братьях.

«Жил-был на свете фонарь, ему было скучно: у всех отец, мать, а он один-одинешенек! «С кем бы мне породниться, чтобы и у меня была семья?» — думал фонарь.

Думал он, думал, и говорит гвоздю, на котором держался:

— Давай породнимся!

— А зачем ты мне, — ответил гвоздь. — И так я под тобой сгибаюсь, все жду когда тебя снимут.

Фонарь подумал, и говорит окошку, над которым висел:

— Давай, окно, породнимся!

— А зачем ты мне, — сказало окошко, — все, что я вижу перед собой, принадлежит только мне, а породнюсь, придется делиться. Не хочу — и все!

Тут фонарь подумал, и говорит огню:

— Слушай, огонь, не прожить тебе без меня, первый дождь или ветер, и без моей покрышки ты погибнешь. Давай породнимся!

— Ладно, — согласился огонь.

И вот огонь и фонарь стали жить как два брата и всем делились. Огонь давал фонарю свой свет, а фонарь ему свой кров».

— А теперь мне пора, — посмотрев на часы, сказал глобусный человечек, и открыв в глобусе дверцу, исчез.

Утром Дикси встала совсем здоровая и пустилась бегом в школу.

ЗЕЛЕНАЯ ЗВЕЗДА

К удивлению Дикси, в присутствии глобусного человечка Блэк совершенно менялся. Они видимо друг друга давно знали и не впервые вместе путешествовали. «А помните ли, сэр, подземное озеро?» скажет вдруг кот Блэк. «А коралловый остров, где я нашел розовую жемчужину?» И о многом еще вспоминал кот, но когда Дикси пробовала заговорить с ним об этом среди дня, Блэк делал вид, что ничего не понимает и равнодушно зевал. Однажды Дикси так на него за это рассердилась, что в наказание оставила на ночь за дверью. Каково же было ее удивление, когда в этот вечер глобусный человечек появился не один, а вместе с

котом Блэком. На коте был синий капитанский мундир, и кот ласковой лапой то и дело поглаживал птичек, изображенных на золотых пуговицах этого изумительного мундира. А у глобусного человечка, как обычно, покачивался на голове его голубой хрустальный кораблик.

— Мы едем сегодня на Зеленую Звезду, — объявил он весело. — В дорогу!

Они вошли в глобус. Глобусный человечек нажал кнопку подъемной машины. На этот раз они ехали гораздо дольше, сначала вниз, потом куда-то вбок, потом опять вверх. Наконец машина остановилась, и они вышли через боковую дверцу. Перед ними расстилалось море, высокие как горы ходили волны.

Глобусный человечек снял с головы свой хрустальный кораблик и пустил его на воду. Кораблик стал быстро расти и превратился в большой фрегат. Они поднялись на капитанский мостик, кот Блэк стал за рулевое колесо, и они вышли в открытое море. Волны, раскачивая фрегат, подбрасывали его все выше и выше, и наконец одна, доплеснувшая до самого неба, закинула их на Зеленую Звезду.

На Звезде был еще день. К ним вышел маленький лысый старичок с зеленой повязкой на голове. Вскоре они увидели еще и других человечков, очень похожих на лысого старичка. И у всех были зеленые повязки. У кого на голове, у кого на груди, а у одного даже на локте.

— Почему у вас у всех повязки? Что здесь произошло? — спросила Дикси.

— Вы узнаете об этом вечером, — улыбнулся лысый старичок, — а теперь, пожалуйста, распишитесь в книге посетителей.

Это была большая книга в великолепном зеленом переплете. Дикси написала свое имя, старательно, как ее учили в школе, выводя каждую букву. А кот Блэк, с важным видом взяв в лапу перо, размахнулся через всю страницу наискось: «Капитан Блэк. Мяу».

— Вот и вечер, — сказал лысый старичок и снял с головы повязку. На его лбу засветилась зеленая звезда. По его знаку все человечки сняли повязки, зажглись десятки больших и ма-

леньких звезд, и Дикси показалось, что это уже не человечки, а настоящие звезды.

— Кто вы такие? — воскликнула Дикси, — ведь у настоящих звезд нет ни рук, ни ног.

— Мы отдаем всю вложенную в нас силу света, — важно объяснил лысый старичок, — на освещение соседней погасшей планеты, с которой нас связывает тысячелетняя дружба, и чтобы днем не тратить нашего света даром, мы надеваем повязки.

Всюду, на улицах, между деревьями, в окнах домов виднелись маленькие существа, горевшие, как настоящие звездочки. Одни оживленно разговаривали, другие водили на площади праздничные хороводы. На усыпанных звездным песком площадках, перекидываясь крохотными звездами-мячиками, человечки играли в теннис. Исполинские черепахи, панцыри которых были украшены драгоценными камнями, возили на спинах счастливых горожан.

Полюбовавшись людьми - звездами, глобусный человечек, Дикси и кот Блэк стали собираться в обратный путь.

— К сожалению, — сказал лысый старичок, — вы не можете теперь ехать. Никто не имеет права покидать Зеленую Звезду ночью. Вы должны остаться здесь до утра. Такой у нас закон.

— Но я тогда опоздаю в школу, — испугалась Дикси.

— А я проголодался, и кухарка Эмма будет сердиться, если не застанет меня в обычное время у плиты, где меня ждет миска с молоком, — сказал Блэк с таким видом, будто дело шло о чем-то самом важном на свете.

— Подождите меня тут, — сказал глобусный человечек, — я сейчас вернусь. — И обратясь к лысому старичку, он попросил проводить его к правителю Зеленой Звезды. Но Дикси и Блэку не сиделось на месте. Они решили пойти сперва только до угла, потом им захотелось посмотреть, что делается на боковой улице; так они шли все дальше и дальше, и незаметно очутились за городом, на пустынном берегу моря.

— Блэк, — сказала Дикси, — идем скорее назад, глобусный человечек верно нас ждет.

В это время из-за дюн вышла прехорошенькая мышка с красной звездочкой на лбу. Мышка поднялась на самый верх

белой башенки и стала ходить там по круглой площадке. Красная звездочка на ее лбу, ярко мигая, освещала бухту как настоящий маяк.

— Я пойду узнать у мышки самую короткую дорогу в город, — предложил кот Блэк. Но это был только предлог. На самом деле ему ужасно захотелось рассмотреть поближе звездную мышку.

— Кот Блэк, дай мне честное слово, что ты не тронешь мышку, — строго сказала Дикси. — Когда ты ловишь мышей у нас в доме, это вполне законно, а здесь ты в гостях. Кроме того, ты видишь сам — это не простая мышка, а маяк.

— Даю честное слово капитана дальнего плавания, — подымая правую лапу и пряча когти в бархатный кулачок, поклялся кот Блэк. Он бодро побежал и взобрался на башенку.

До чего прекрасной оказалась вблизи мышка-маяк! Блэк не выдержал соблазна, и забыв слово, данное Дикси, схватил мышку и быстро спрятал себе за пазуху. Красная звездочка исчезла, и все погрузилось в темноту.

— Где ты? — звала Блэка испуганная Дикси. — Как мы теперь найдем дорогу?

Но Блэк молчал. Он, кажется, скорее расстался бы с жизнью, чем с полюбившейся ему мышкой-маяком.

Но вот вдали замелькали быстро приближающиеся зеленые звездочки. Это, заметив исчезновение маяка, спешили жители Зеленой Звезды. В один миг они окружили Дикси и Блэка.

— Где красная звездочка? Что вы сделали с нашей мышкой-маяком? — взволнованно спрашивали зеленые человечки.

— Вот я! — крикнула мышка, выскочив из-за пазухи Блэка, — этот негодный кот хотел меня украсть.

Человечки очень обрадовались мышке, но к их ужасу, красная звезда на ее лбу больше не светилась. — Это кот виноват! — кричали человечки, и схватив ни живого ни мертвого от страха Блэка, поволокли к правителю Зеленой Звезды.

Дикси, чуть не плача, побежала за ними, оглядываясь по сторонам, в надежде не появится ли глобусный человечек. Но его нигде не было.

В серебряном домике, похожем на огромную морскую рако-

вину, сидел за столом губернатор. Дикси сразу его узнала. Это был тот самый лысый старичок, который их так любезно встретил, когда они приехали.

— Что вы сделали с мышкой-маяком? И почему не послушались глобусного человечка и ушли? — строго спросил губернатор. — Если сейчас же не скажете правду, я велю посадить вас обоих в тюрьму, и вы не выйдете оттуда, пока не признаетесь.

Тут Блэк, забыв всю свою важность и свой капитанский мундир, упал губернатору в ноги.

— Пощадите, пощадите хоть мою хозяйку, — молил несчастный кот. — Во всем виноват я один. Лучше пусть меня высекут, но отпустите нас домой. Клянусь, я никогда больше не буду трогать звездных мышек.

— Хорошо, — сказал губернатор, — если Дикси не виновата, пусть остается на свободе, а кота в тюрьму!

Напрасно Дикси упрашивала губернатора отпустить Блэка. Стража схватила кота, и не обращая внимания на его душераздирающие вопли, увела в темницу. Губернатор вышел из комнаты, и Дикси осталась одна. Вдруг открылась дверь, и с озабоченным лицом появился глобусный человечек.

— Я все знаю,—сказал он,—но все же попытаюсь спасти Блэка.

Они быстро отправились к дому, где жила мышка-маяк.

Еще с улицы был слышен плач. Они вошли. Мышка, громко рыдая, лежала на своей кружевной постельке.

— Злой, злой кот, — говорила мышка сквозь слезы, — что ты со мной сделал! Всем счастьем моей жизни было светить ночью кораблям. Сколько рыбачьих лодок будет теперь разбиваться о прибрежные скалы, сколько погибнет смелых моряков!

При этих словах слезы потекли из глаз мышки еще сильнее и стали переливаться через край тазика, стоявшего на полу у изголовья ее кроватки.

— Мышка-маяк, — сказал глобусный человечек, — у тебя доброе сердце. Ты всю жизнь спасала мореплавателей в бедствии. А теперь попал в беду наш бедный капитан Блэк. И только твое заступничество может спасти его от вечного заключения. Верь, он искренно во всем раскаивается.

— Кот Блэк причинил мне большое горе, — сказала мышка, смотря на глобусного человечка сквозь слезы, — но я не хочу, чтобы из-за меня он пострадал. Я все сделаю, чтоб его спасти.

И едва мышка это сказала, как на ее лбу ярче прежнего загорелась звезда.

Трудно описать радость, охватившую всех, когда мышка-маяк выбежала на улицу, сияя красной звездочкой. Со всех сторон к ней спешили зеленые человечки.

Кота сейчас же выпустили из тюрьмы. На радостях он воскликнул:

— Да здравствует свобода! Будь моя власть, я отпустил бы на волю даже всех птичек, изображенных на пуговицах моего мундира.

И о чудо! Чирикая тоненькими голосами и сверкая крохотными золотыми крылышками, птички дружной стаей спорхнули с его груди и улетели. Все жители Зеленой Звезды в полном составе пошли на берег провожать Дикси, глобусного человечка и Блэка. Губернатор приказал сдвинуть в море один из серебряных домиков — раковину. Они сели в нее и поплыли.

Под рокот и шум волн Дикси не заметила, как они приехали домой.

ПОЕЗДКА В ГОЛЛАНДИЮ

Зима кончилась, и в один из первых весенних вечеров глобусный человечек появился снова.

— Давай, Дикси, — сказал глобусный человечек, — поедем в Голландию. Там теперь цветут тюльпаны, и это самая прекрасная пора.

— Как я счастлива побывать в новой стране, — сказала Дикси, — интересно, какие там дети?

— Дети повсюду те же, — отвечал глобусный человечек, — да ты увидишь сама.

Они вошли в глобус. Глобусный человечек нажал на рычажок, и вот они в Голландии.

— Приехали! — сказал глобусный человечек, открывая дверцу.

Вся местность была пересечена каналами, по которым тяну-

лись нагруженные доверху баржи. Глобусный человечек объяснил Дикси, что если бы не эти каналы и плотины, море затопило бы всю страну. На холмах стояли ветряные мельницы. Молодые вертелись быстро и весело, как в танце, то направо, то налево, а старые с трудом поворачивали крылья: скрип-скрип. Гудел ветер, шшш... шелестели зеленые кусты, которые росли по обеим сторонам каналов.

Паруса скользили по верхушкам кустов, и Дикси показалось, что корабли идут прямо по земле. Навстречу им, стуча деревянными башмаками, каких Дикси прежде никогда не видала, шли взрослые и дети. Женщины и девочки были в премиленьких белых чепчиках. Все приветливо с ними здоровались.

Они вышли на большую дорогу. Дикси казалось, что она идет по раскрытой гигантской коробке с акварельными красками: с двух сторон дороги ровными цветными квадратами тянулись поля тюльпанов — синие, белые, красные, желтые, лиловые... Дикси, очарованная, остановилась.

Скрип-скрип — пел ветер в крыльях мельниц. «Мы цветем, мы растем, украшаем нашу милую Голландию!» отвечали хором тюльпаны.

Вдруг перед ними выросла белая в коричневых пятнах собачка. Она сразу направилась к глобусному человечку.

— Наконец-то мы тебя дождались, глобусный человечек, — сказала собачка, — помнишь ли ты девочку Марейку, с ней ты когда-то ездил в кругосветное путешествие? У нее большое горе, и она умоляет тебя помочь ей.

— Что случилось с Марейкой? — взволнованно спросил глобусный человечек. — Конечно, я ее отлично помню, хотя она никогда не учила географии, и в конце концов я должен был ее покинуть. Но все-таки я ее люблю и сделаю все что в моих силах, чтобы ей помочь.

— Идем скорее в город, — сказала собачка, — моя хозяйка сама тебе все расскажет.

Вдали виднелись шпили церквей, островерхие крыши домов.

Когда они добрались до города, был уже вечер. Собачка привела их к городской ратуше.

Напротив ратуши находилась лавка игрушек, у дверей стоял хозяин, рыжий великан с толстым животом и длинными тонкими руками и ногами. Вместо головы, на плечах у него сидел круглый голландский сыр.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, — ласково улыбаясь и потирая ладони, зазывал великан прохожих.

— Где Марейка? — удивленно спросил глобусный человечек.

— Она в лавке, — сказала собачка, — как только хозяин закроет лавку, мы к ней пойдем.

Глобусный человечек и Дикси стали терпеливо дожидаться. Вот хозяин лавки раскланивается с последним покупателем, вот он опустил синюю штору на окно лавки, и повесив на дверь огромный замок, зашагал через площадь и скрылся за углом.

Глобусный человечек достал из кармана золотой ключ и легко повернул им в замке; дверь отворилась и они вошли. Внутри было еще больше игрушек, чем в окне. Собачка повела их через всю лавку и остановилась перед большим шкапом, где было много нарядных кукол. Посередине сидела красавица кукла. Корсаж ее бархатного платья был расшит жемчугом, на голове сиял кружевной чепчик. Ноги были обуты в деревянные башмаки.

— Но где же Марейка? — снова нетерпеливо спросил глобусный человечек.

Кукла в голландском наряде поднялась с кресла и посмотрела на глобусного человечка и на Дикси, совсем как если бы она была живая девочка.

— Милый глобусный человечек, неужели ты не узнаешь меня? — сказала кукла, — ведь я Марейка, которую ты столько раз возил по разным странам.

— Как это может быть? — сказал глобусный человечек, — Марейка была настоящая девочка, а ты, хотя и очень похожа на нее, все-таки фарфоровая кукла.

— Да, я стала такой за то, что погубила моего бедного братца Иоганна, — сказала кукла, и слезы потекли из ее глаз, смывая краску с розовых фарфоровых щек.

Вскоре после того, как ты нас покинул, глобусный человечек, — начала свой рассказ кукла, — наша мать умерла. Мой отец горевал. Целые дни он просиживал у плотины нашей мельницы и глядел как бежит вода. Он часто говорил мне: «Марейка, ты уже большая девочка, но твой брат Иоганн еще очень мал. Дай мне слово: что бы ни случилось, ты никогда не будешь его обижать». Я очень любила моего брата и с готовностью обещала быть ему всегда доброй сестрой.

Трудно было отцу управиться одному по дому и на мельнице, и он женился.

Мачеха очень ласково со мной обращалась, и я стала во всем ее слушаться. Только потом, когда было слишком поздно, я поняла ее злые намерения. Ты знаешь, глобусный человечек, как далеко наша мельница стоит от города. Каждое утро я водила моего брата в городскую школу и отец давал мне деньги, чтобы я покупала завтрак себе и Иоганну. Мачеха знала об этом. «Зачем твоему брату съедать каждый день целый завтрак, — сказала она мне однажды, — ему хватит и одной булочки. А деньги, которые у тебя будут оставаться, давай мне. Когда накопится достаточно, мы купим тебе самую красивую на свете куклу». Я долго не соглашалась, мне было жалко брата. Тогда мачеха повела меня в лавку игрушек и показала куклу такой красоты, что я с тех пор не могла ни о чем другом и думать. Желание получить ее заглушило во мне любовь к моему брату. Я стала покупать ему только одну булочку, и то черствую, а потом и совсем ничего ему не давала есть. А когда он жаловался что голоден, я била его, чтобы он перестал плакать. Деньги я отдавала мачехе. Я заметила, что каждый раз после того, как я била моего брата, я вся становилась будто каменная. И хотя три пальца на моей правой руке давно уже были фарфоровые, я не обращала на это внимания. Я думала только о том, что приближается день, когда будет достаточно денег для покупки куклы.

Но по словам мачехи кукла стоила очень дорого. Так прошла зима. И вот как-то мачеха сказала мне: «Слушай, Марейка, заня-

тия скоро кончатся и школу закроют, а денег на куклу все нехватает, но если ты хочешь, то можешь сразу получить нужные тебе деньги». Я спросила ее, что я для этого должна сделать. «Очень просто, — ответила мачеха, — сегодня, когда ты поведешь Иоганна в школу, вам встретится у городских ворот трубочист. Ему как раз нужен такой маленький мальчик, который мог бы пролезть в самую узкую печную трубу. Ты отдашь ему Иоганна, а за это он даст тебе деньги, которых недостает для покупки куклы».

В это время я была уже почти совсем каменная, никакой жалости у меня больше не было. Я все сделала как научила меня мачеха. К нам подошел страшный, весь черный от сажи, трубочист. «Вот я отдаю тебе Иоганна», сказала я. Он крепко схватил моего братца за руку и с хохотом сунул мне золотую монету. Я взяла ее и бросилась бежать. Я слышала, как плачет и зовет меня Иоганн, но я не обернулась. Запыхавшись, я прибежала к мачехе и протянула ей золотой. Она зажала его в кулак и торжествующе усмехнулась. Тут я увидела, что она вовсе не молодая и красивая, а безобразная старуха с большим синим носом. Я хотела закричать, и не могла. Я чувствовала, как мои руки и ноги немеют и застывают. И вдруг я вспомнила, как обещала отцу никогда не обижать моего брата, и мне стало страшно. Я теперь готова была все отдать, только б вернуть Иоганна, но я не могла больше двигаться. Я превратилась в фарфоровую куклу. Тогда мачеха разодела меня в мое лучшее платье, положила в коробку и понесла в город, где продала злому великану, хозяину этой лавки игрушек.

С тех пор днем я сплю, а ночью думаю о моем бедном брате. Как то ему живется у трубочиста, которому я его продала — у этого трубочиста было такое злое лицо. И о моем отце я думаю. Как он должен без нас горевать! И зачем только я послушалась мачеху!

Всю ночь я плачу, и от слез мое лицо перестает быть холодным и начинает оживать, но утром приходит великан, и я опять застываю. Ах, милый глобусный человечек! Ведь ты такой умный и все знаешь, найди моего брата и мне самой помоги вернуться домой. Я уверена, что если мой брат найдется и я вернусь в родной дом и буду пить молоко нашей Пеструхи, я опять стану настоящая девочка.

Чем дальше рассказывала Марейка, тем больше хмурился глобусный человечек. Он долго молчал.

— Нехорошо ты поступила с твоим братом, Марейка, — качая головой сказал он наконец, — ты заслужила того, чтобы навсегда остаться фарфоровой куклой. Но твоими слезами и искренним раскаянием, я верю, ты когда-нибудь загладишь свою тяжкую вину, а теперь пойдем выручать Иоганна. Только скажи мне точно, где ты встретила в тот день трубочиста.

Но Марейка молчала. Уже под конец рассказа голос ее был еле слышен. Щеки ее побледнели, а глаза опять стали кукольно стеклянными.

— Ну что же, мы и так найдем маленького Иоганна, — сказал глобусный человечек уверенно, — только не нужно терять времени.

Дикси взяла куклу за руку и они вышли из лавки. На улице было темно и только в одном кабачке, с кружкой пенистого пива на вывеске, ярко светились окна. Оттуда раздавались крики, пение и смех. Дверь кабака отворилась, из нее выбежали три здоровенных молодца и что было мочи принялись тузить друг друга. Но когда глобусный человечек и Дикси подошли поближе, молодцы больше не дрались, а плача целовались и обнимали друг друга.

— Вот и хорошо, что помирились, — сказал глобусный человечек.

Но не успели они отойти на несколько шагов, как трое опять вцепились друг другу в волосы, и опять началась потасовка.

Удивленный глобусный человечек подошел к ним и строго спросил из-за чего они дерутся. Но теперь молодцы снова обнимались и плакали. Это были три брата-близнеца. Все трое одинакового роста и у всех совершенно одинаковые краснощекие лица, голубые глаза и рыжие волосы: не отличить одного от другого, если бы не родимые пятна, тоже совершенно одинаковые, но только у первого на правой щеке, у второго на левой, а у третьего на кончике носа. Ему-то глобусный человечек и велел говорить, а двум другим молчать, так как сперва они заговорили все одновременно и ничего нельзя было понять.

— Меня зовут Ян, — сказал тот, у которого было родимое пятно на носу. — А это мои братья — Пит и Клаус. Но у нас был

еще младший брат, совсем маленький, звали его Мартын. И вот на прошлой неделе Мартын исчез. Его верно украли. Говорят, по городу ходит страшный великан трубочист, он крадет маленьких мальчиков и прячет их в черный мешок. С тех пор мы все время спорим. Пит говорит, что я и Клаус не досмотрели, а Клаус говорит, что это я и Пит, а я говорю, что Клаус и Пит. И мы не можем решить кто виноват и то деремся, то плачем, так как мы все очень любим друг друга и нам жалко нашего маленького Мартына.

— Вот что, — строго сказал глобусный человечек, — вместо того чтобы драться, искали бы вы лучше вашего брата.

— Но где мы его найдем? — заплакали близнецы. — Во всем городе никто его не видел.

— Идемте с нами, — велел им глобусный человечек.

Вдруг над их головой стукнуло окно и высунулась голова в красном колпаке.

— Что здесь за шум? — спросил сердитый голос. — Почему вы не даете спать честным людям? Если вы сейчас же не уйдете, я прикажу вас арестовать. Имейте в виду, я бургомистр этого города.

— Глубокоуважаемый господин бургомистр, — сказал глобусный человечек, — мы не делаем ничего противозаконного. Мы ищем злого трубочиста, который крадет маленьких мальчиков.

— Как же, я слышал о нем и давно хочу до него добраться. Подождите меня, я сейчас приду.

Через несколько минут из двери вышел худой, как проволочная вешалка, человек, опоясанный шарфом и при сабле.

Это и был бургомистр. Впопыхах он выбежал в чем спал: в красном колпаке и длинной ночной рубашке, но он не обращал на это внимания, так как ночь была теплая. Все они двинулись в путь. Им вскоре встретился человек, еще не старый, но уже сгорбленный от горя и казавшийся помешанным.

— Кто вы такой, — спросил его бургомистр, — и куда вы идете?

— Я самый несчастный на свете отец, — ответил человек, — у меня было двое детей, дочь и сын, и вот они оба пропали. В тот же день исчезла и моя злая жена, их мачеха. Я теперь боюсь, не погубила ли она их.

— Боже, — воскликнул он, заметив куклу, — какое необыкновенное сходство! Если бы она не была из фарфора, я поклялся бы, что это моя бедная дочь Марейка.

Кукла напрасно силилась что-то сказать, губы ее оставались плотно сжаты.

— Пойдем с нами, — предложил глобусный человечек. — Я уверен, что ваши дети живы и невредимы, и мы найдем их еще сегодня.

Встречавшиеся им по дороге полицейские при виде бургомистра, щелкнув каблуками, отдавали честь и по его приказанию следовали за ним. Вскоре собрались почти все полицейские города, но никто не знал куда идти. Тогда глобусный человечек хлопнул в ладоши. В ответ раздался шелест крыльев и на плечо к нему сел седой от старости скворец.

— Давненько ты у нас не был, — сказал скворец, — чем могу послужить?

— Вот что, скворушка, — сказал глобусный человечек, — нам до зари нужно найти великана трубочиста, который крадет маленьких мальчиков. Знаешь ли ты его?

— Как же, — сказал скворец, — я за ним давно слежу, идите за мной.

И вот шествие тронулось: впереди скворец, то полетит, то поскачет, а за ним глобусный человечек, бургомистр, целый отряд полицейских, Дикси с куклой и все остальные.

Скворец вывел их из города, и они очутились у одиноко черневшей в поле заброшенной риги. Они подошли, стараясь не шуметь. Из-за двери слышались жалобные крики, плач и щелканье хлыста. Вдруг наступила тишина, и грубый голос сказал: «Подходите по очереди и сдавайте деньги, да смотрите у меня чтобы все сполна, без утайки!»

Дикси нашла щелку между досками и увидала сидевшего за столом человека. Это был великан, хозяин лавки игрушек. Только теперь у него на голове был старый черный цилиндр, а лицо его было все в саже. Сальная свеча тускло освещала ригу. У стола стояли изможденные, бледные мальчики трубочисты. Они робко подходили один за другим и клали перед великаном заработанные

за день гроши. В награду великан бросал каждому по ломтю черствого хлеба. Поймав на лету свой кусок, мальчики отходили в сторонку, садились на гнилую солому, которая заменяла им постель, и жадно принимались за еду.

Последним подошел совсем маленький мальчик. Он ничего не положил на стол.

— Где деньги? — крикнул великан и взялся за хлыст. Мальчик, плача, стал говорить, что его никто не хочет нанимать чистить трубы, так как он еще слишком мал.

— Врешь, дармоед, — заорал великан, — я тебе покажу как лениться! — и с размаху ударил мальчика хлыстом, так что тот вскрикнул и пошатнувшись упал на колени.

— Ведь это мой бедный братец Иоганн, — неожиданно заговорила кукла. — Если б только я могла очутиться на его месте! Пусть бы меня бил великан!

Дикси, державшая куклу за руку, вдруг почувствовала, как в ее ладони холодная фарфоровая рука куклы стала теплой и мягкой. Она обернулась и увидела, что рядом с ней стоит не кукла, а живая девочка Марейка. Из глаз девочки текли крупные слезы. На ее круглой розовой щеке еще держался кусочек фарфора; Дикси осторожно сняла его.

Тут глобусный человечек распахнул двери и вошел в ригу.

— Немедленно освободите несчастных детей! — приказал он великану.

Но великан, смотря на маленького глобусного человечка с высоты своего великанского роста, только захохотал.

— Проваливай отсюда, карапуз, подобру-поздорову, а то смотри, щелкну разик — и от тебя мокрого места не останется.

Но тут вошли трое братьев-близнецов, готовые в случае нужды защитить глобусного человечка. В то же время рига стала наполняться храбрыми усатыми полицейскими. Они проникали через все щели, окна и даже через крышу.

— Вы арестованы! — грозно сказал бургомистр, подходя к великану.

Великан побагровел от злости и раздулся как воздушный шар. На него было страшно смотреть, такой он стал огромный и крас-

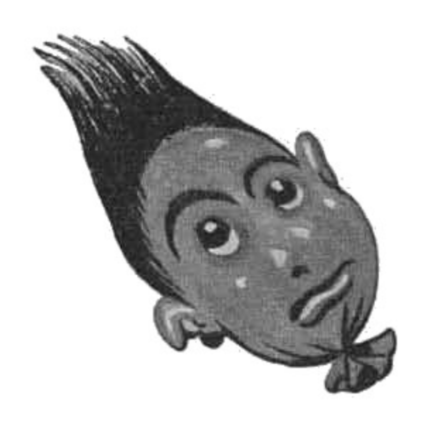
ный. Но тут он вдруг лопнул и с писком стал уменьшаться, и сделался совсем маленьким и сморщенным: у него исчезло туловище, руки и ноги, а голова, сократившись до размера небольшого резинового мячика, квакая, запрыгала по полу к дверям и скрылась в темноте ночи.

Марейка бросилась к своему брату Иоганну. Их отец, рыдая от счастья, обнял их обоих. А собачка умильно глядела на своих хозяев.

Братья близнецы нашли среди мальчиков-трубочистов своего младшего брата и взявшись за руки сплясали вокруг него такую джигу, что земля дрожала и амбар чуть не обрушился.

Зазвонили колокола, у риги собрался весь город. Всех мальчиков вмиг разобрали пришедшие за ними родные. Бургомистру принесли шляпу с плюмажем и парадные штаны. Надев шляпу, он произнес речь, в которой от имени всего города выразил благодарность глобусному человечку и пригласил всех на банкет в ратушу.

Но глобусному человечку и Дикси было пора домой, и они распростились со своими новыми друзьями.

МАЛЬЧИК-КРАБИК

Родители Дикси поехали на каникулы во Францию, а Дикси с Блэком и глобусом поселились в Бостоне у Диксиной бабушки. Дикси было грустно, что родители не взяли ее с собой. В доме бабушки всегда была тишина. Все говорили приглушенными голосами, и шагов не было слышно: всюду лежали мягкие ковры. Даже Блэк стал какой-то чопорный, мяукал теперь с настоящим британским акцентом и чаще прежнего зевал. Но особенно огорчало Дикси то, что она не успела предупредить о своем переезде глобусного человечка; она боялась, что он не найдет ее на новом месте. Тем сильнее была ее радость, когда однажды вечером глобус засветился и из него вышел глобусный человечек. Осмотрев комнату Дикси, он нашел, что она не такая веселая, как комната у нее дома, но зато больше порядка: книги, пеналы, тетради, против обыкновения, были аккуратно разложены по местам.

— Не огорчайся, Дикси, мы тоже поедем во Францию, — сказал глобусный человечек, — я давно собирался поудить рыбу в Нормандии. Кстати, у меня там есть одно дело.

Дикси быстро собралась. Но Блэк, после поездки на Зеленую Звезду искренно невзлюбивший морские путешествия, запротестовал. Кроме того, он забыл дома свой капитанский мундир. Сделав грустное лицо, Блэк сослался на подагру. И неизвестно почему, довольно путанно начал объяснять, что ему удалось установить свое происхождение: он прямой потомок кота Блэка Первого, приехавшего на Мэйфлауэре.

Дикси и глобусный человечек, не дослушав Блэка, вошли в глобус и в следующее мгновение оказались в маленьком нормандском городке, уютно прикурнувшем на берегу залива.

Тесно прижавшись друг к другу, толпились узенькие старые дома и улыбаясь глядели на свои цветные отражения, колыхавшиеся в зеленой воде дока. На отмели лежали на боку большие и маленькие рыбачьи лодки.

Когда начался прилив, Дикси и глобусный человечек на парусной лодке вышли в море и стали на якорь. Глобусный человечек достал большое и очень толстое увеличительное стекло, через которое было видно все, что делается на дне. Вода была хрустально-прозрачная, и каждую раковинку, каждый камушек можно было хорошо рассмотреть. Дикси видела, как бочком ползали крабы, как колыхались водоросли и проплывали стаи серебряных рыбок. Другие рыбы потолще, похожие на сердитых важных старичков, недовольно выпятив нижнюю губу, стояли у входов в подводные гроты. Прозрачно-перламутровыми парашютиками висели медузы, и иногда подымались вверх морские звездочки. Потом черной тенью проплыла большая страшная рыба, и все мелкие рыбешки бросились наутек. Вода вокруг словно закипела от плеска их хвостиков.

Глобусный человечек научил Дикси как наживлять крючки, и они стали удить. Но рыбы тут были видно хитрые — схватив приманку, они каждый раз уходили от крючка. Тогда глобусный человечек достал плетенную из тростника корзину и объяснил Дикси, что это ловушка для лангуст. Корзинка так устроена, что

лангуста может в нее влезть, а вылезть обратно не может. На длинной-длинной бечевке они опустили корзину на дно и стали ждать.

Прошло много времени, но и тут им не повезло: ни одна лангуста, хотя бы и самая маленькая, не попалась. Дикси стала уже скучать, как вдруг лодку качнуло, и совсем близко из воды вынырнула блестящая черная голова, вроде собачьей, только с длинными усами. Большой тюлень внимательно посмотрел на Дикси и глобусного человечка, потом опять нырнул, вода с плеском сомкнулась над его спиной. Дикси испугалась, но глобусный человечек сказал ей, что этот тюлень очень добрый, и вылез, так как хотел посмотреть кто приехал. Было видно, как в пронзенной солнечными лучами светлой глубине тюлень, гребя ластами, опускался на самое дно и как от движения его тела шли вверх снопы фосфорических пузырьков.

Дикси очень хотелось знать, что тюлень будет делать на дне. Вот навстречу ему из грота вышли его дети, совсем еще маленькие тюленьшата с круглыми темными глазами. Они окружили отца-тюленя и принялись его тормошить. Видно хотели, чтобы он с ними играл. Но он что-то им сказал, и они вернулись в грот и привели большого краба. К удивлению Дикси, усатый тюлень бережно сгреб краба в охапку и посадил его в корзину. Дикси даже показалось, что он погладил краба по голове.

Глобусный человечек и Дикси стали наматывать бечевку на катушку, корзинка поехала вверх, и краб-путешественник прощально помахал тоненькой клешней, а тюлень, сев на ласты-плавники, долго смотрел ему вслед. Маленькие же тюленьшата еще не умели сидеть на ластах и только перекатывались с боку на бок.

Дикси разбирало любопытство, что это был за краб, которого так провожали тюлени. С большим трудом они, наконец, вытащили корзинку. Заглянув в нее, Дикси увидела, что там вовсе не краб, как она думала, а маленький с тонкими ручками и ножками мальчик. Он сидел скорчившись под большим крабьим панцырем, служившим ему шапкой и щитом. Мальчик горько плакал, слезы струйками текли по его бледному лицу. Дикси стало так жалко мальчика-крабика, что ей самой захотелось плакать.

— Милый мальчик, — сказала она, — я тебя очень люблю. И глобусный человечек тебя тоже любит. Расскажи нам кто ты, как попал к тюленям и о чем ты так горько плачешь. Мы все сделаем, чтобы тебе помочь. Не смотри, что глобусный человечек такой маленький, он может сделать гораздо больше, чем самый сильный великан, и он очень добрый.

РАССКАЗ КРАБИКА

Я родился здесь, в этом рыбачьем городке. Мне только трудно вспомнить когда это было. Под водой время шло медленнее, чем на земле.

Мой отец был капитаном, и все мои старшие братья уходили с ним в море. Все они были высокие и сильные, только я был маленький и тщедушный. Глядя на меня, отец однажды сказал:

— Его нужно будет отдать в обучение часовому мастеру. Никогда из него не выйдет моряка.

Я заплакал. Моя мать стала утешать меня:

— Как я рада, что хоть один из моих сыновей всегда будет со мной дома, — говорила она, гладя меня по голове.

В давние времена в нашем городе проживал славный мореплаватель, его звали Жак Картье. Я слышал много рассказов о его подвигах и решил, что стану таким же знаменитым капитаном, и мой отец увидит тогда, что я вовсе не хуже моих братьев. Из нашего города в это время уходила в дальнее плаванье большая шхуна. Ночью, когда все спали, я убежал из дому и пробравшись на шхуну спрятался в трюме. Не знаю сколько дней прошло. В трюме было темно, и я только слышал, как снаружи плещет и журчит вода. Мне больше не казалось, что я совершил геройский поступок. Мне было стыдно. Я думал о моей матери, как она должна теперь убиваться и плакать, и дорого бы дал, чтобы вернуться домой, но было уже поздно.

Поднялась буря. Волны с такой силой ударялись о борт, что казалось, шхуна сейчас развалится и пойдет ко дну. Я кричал и колотил кулаками в дверь, но никто меня не слышал. Сделалась

течь, вода начала затоплять трюм. Бочонки и ящики поплыли, стукаясь друг о друга. Я думал что погиб. Вдруг один особенно тяжелый ящик, стоявший на самом верху, сорвался, и падая, с такой силой ударил в досчатую дверь, что проломил ее. Через образовавшуюся брешь я выбрался из трюма. Я никогда не видел такой бури. Со всех сторон вставали черные водяные горы и с грохотом обрушивались на палубу. Нос шхуны то высоко взлетал, то проваливался вниз так стремительно, что захватывало дух. На шхуне никого не было. Все мачты лежали сломанные. В темных тучах, раскраивая небо сверху донизу, засверкала страшная молния: на мгновение стало совсем светло, и я увидел, как далеко в волнах ныряет черная точка. Это уплывали в лодке капитан и матросы. Вода в трюме все прибывала, и шхуна стала тонуть. Черные волны, бурля, сомкнулись над моей головой и куда-то меня понесли. Я очнулся на песчаном берегу незнакомой мне земли. Буря стихла. Встающее солнце освещало тихое-тихое море, дремавшее в молочно-голубом сиянии. Я осмотрелся и увидел, что недалеко от меня лежит на песке много тюленей, больших и маленьких. Я подполз к ним, улегся между тюленьшатами, и согревшись их теплом, заснул.

С тех пор я всегда жил с тюленями. Они научили меня, как дышать под водой и плавать быстро как рыба. Мы очень весело проводили время: то играли в прятки в подводных гротах, то качались на волнах, то выйдя на берег, грелись на солнце. Однажды мы поплыли в гости к пингвинам, жившим на скалах соседней бухты. В море нам встретилась акула. Она повернулась на спину и нацелилась схватить своими страшными зубами одного маленького тюленя. У меня на поясе висел нож моего отца, я захватил его когда убежал из дому. Я бросился на акулу и распорол ей брюхо. С тех пор я никогда не расставался с тюленем, которому спас жизнь. Его зовут Крикун, так как у него голос громкий как охотничий рог. Теперь он вырос и превратился в того большого усатого тюленя, которого вы видели, а я не только не рос, но стал совсем худым и маленьким. Хоть мне и хорошо жилось у тюленей, но я все не мог забыть моих родителей и братьев и часто плакал, думая, что никогда их больше не увижу.

Тюлени забеспокоились, они боялись, что я умру или превращусь в рыбку. Они собрали большой совет, и самый старый и умный тюлень сказал, показывая на меня: «Сколько бы он ни оставался с нами, он никогда не будет таким как мы. Он должен вернуться к людям, в дом своих родителей. Только тогда он поправится и станет такого же роста, как другие дети его лет». С дальнего севера мы пустились в путь. Все стадо поплыло провожать меня. Мы долго искали городок, где я родился. Спрашивали дорогу у китов, но киты никогда не заходят в гавань и ничего не могли нам сказать. Когда я уставал, я садился Крикуну на спину и он меня вез. На палубах встречных пароходов я видел людей и каждый раз думал, что может быть капитан — мой отец.

И так мы добрались сюда, до моего родного города. И хотя тюленям было жарковато, но из дружбы ко мне они мужественно все сносили. Да и Крикун не хотел отпустить меня на берег. Он боялся, что если я попаду на глупых людей, они примут меня за краба и убьют. Он все время выплывал на поверхность и рассматривал лица рыбаков, и говорил, что нужно ждать когда приедет ловить рыбу кто-нибудь из моих братьев.

Но увидев глобусного человечка, которого знают все звери и все птицы на свете, он сразу решил, что лучшего случая не будет, и попрощавшись со мной, посадил меня в твою корзинку, Дикси. И вот я опять в моем родном городке. Но в воде у меня верно помутилась память. Я не узнаю улиц и никогда не найду дома моих родителей. Да и живы ли они?

И мальчик-крабик опять горько заплакал. Глобусный человечек и Дикси взяли мальчика за руки и стали водить его по всему городку, останавливаясь перед каждым домом. Но мальчик только качал головой. «Нет, нет, это не дом моих родителей, — говорил он печально, — мы жили в маленьком доме, он стоял на крыше большого дома».

Дикси никогда не видела таких домов и подумала, что у крабика все в голове спуталось. Но когда они пришли в порт, она сразу увидела дом, на крыше которого стоял другой дом поменьше. На скамейке под большим деревом сидели, лицом к

морю, старый моряк в капитанской фуражке и его старушка жена. Крабик сразу их узнал.

— Это мои родители, только теперь они состарились, — сказал он, и подойдя к старичкам, низко им поклонился.

— Здравствуйте, дорогие мои родители. Это я, ваш сын Жан.

Но старички смотрели на него с недоумением.

— Милый мальчик, — сказала старушка, — как ты можешь быть нашим сыном Жаном? Ведь ты еще совсем маленький, а Жану, если только он жив, было бы сегодня семнадцать лет. Но он верно утонул в море и мы никогда больше его не увидим.

И оба старичка заплакали.

Тут крабик напружился, стал расти и вдруг превратился в высокого широкоплечего юношу.

— И вправду это наш сын! — в один голос радостно воскликнули старички.

Довольные, как все счастливо устроилось, Дикси и глобусный человечек отправились домой.

НЕБЕСНЫЙ КАМУШЕК

Как-то мать Дикси принесла из планетария маленький камушек.

— Это осколок метеора, — сказала она Дикси, — ты ведь не раз видела, как по небу вдруг покатится звездочка и исчезнет. На самом деле это не звезды, а камни падают с неба. Некоторые совсем маленькие, как твой, а бывают и большие.

В этот вечер Дикси с особенным нетерпением ждала глобусного человечка. Ей очень хотелось похвастать своим небесным камушком.

Глобусный человечек внимательно осмотрел камень.

— Уж не осколок ли это метеора, о котором мне так много рассказывал мой старый приятель звездочет? — задумчиво промолвил он.

А на вопросы Дикси, что это был за метеор и что приключилось со звездочетом, вот какую удивительную историю рассказал ей глобусный человечек.

Много-много лет тому назад, в Гималаях, на Косой горе, жил звездочет. Все ночи глядел он в подзорную трубу и в море звезд различал и звездную песчинку. А как погаснет последняя звезда, шел к себе домой и опять ждал ночи, чтоб любоваться звездным небом.

Однажды, когда он спал, кто-то вошел к нему в комнату. Словно от толчка звездочет проснулся. Перед ним стоял гонец: не говоря ни слова, он вручил звездочету письмо и усмехнулся, на его голубом эмалевом лице зажглись два оранжевых глаза, акулий рот ощерился. Звездочету очень хотелось спать, но любопытство взяло верх, он распечатал письмо.

«На нашей звезде иссякла вода, а у нас тысяча золотых коров и поить их нечем. Есть ли у вас на горе вода? Немедленно ответьте».

Звездочет задумался. И решил, что письмо с той самой звезды, которой вчера он так любовался.

Он вышел на улицу. Была летняя ночь. Звездочет посмотрел на сияющее звездами небо и увидел: очаровавшая его звезда, призывая на помощь, вспыхивает багровым огнем.

В растерянности, не зная что предпринять, он шел с одной мыслью — как спасти ему погибающую звезду, и споткнулся о камень.

С виду это был самый обыкновенный камушек, но глазурь, покрывавшая его, убедила звездочета, что это звездный камень. Всю жизнь звездочет посвятил звездам, а теперь, когда ждут его помощи, он ничего не может сделать.

Так раздумывая шел он и вдруг увидел — звездный камень, который по рассеянности он все еще держал в руке, превратился из темного в золотой.

Звездочет огляделся. Земля, по которой он шел, была голубая, небольшое озеро лежало перед ним. В золотой лодке, свернувшись калачиком, спит солнце, из-за синих холмов выглядывали четыре

маленькие серебряные луны, на берегу сидел пастух, а звон колокольчиков говорил, что неподалеку пасется стадо.

«Как я попал сюда?» подумал звездочет. И обратясь к пастуху, воскликнул:

— Не понимаю, только что был у меня гонец и жаловался, будто на вашей звезде нет воды. А у вас тут целое озеро!

Пастух усмехнулся:

— Да ты не тот ли самый звездочет? Долго ж тебя искал гонец. Верно заблудился в туманах Млечного Пути... А ведь послали когда, поди три века! В те времена, — продолжал пастух, — островом Голубой Камень правил жестокий король Падум. Жизнь подданных он считал ни во что, снять с человека голову было ему все равно как проглотить звездный финик. Кончилось тем, что кроме самого короля и двух сирот, случайно пощаженных, и раба, исполнителя злой королевской воли, на голубой земле никого не осталось, и как раз в эту пору оранжевая река родила тысячу золотых коров и иссякла. На острове не стало воды, и все живое — и сам король, и его раб, и пощаженные королем сироты были обречены на смерть, и в первую очередь золотые коровы.

Тогда король задумал спуститься на соседнюю звезду. А был он и жесток и жаден, расстаться с золотыми коровами ему не хотелось. Но что ни придумывал, все ни к чему. Вот он и послал гонцом раба — узнать, есть ли на вашей планете вода. Тщетно ждал король: раб не вернулся, и король умер, не то от гнева, не то от жажды. В живых остались только сироты. Тогда коровы, вырыв на дне реки колодец, стали царствовать на острове. А подросли сироты, коровы передали им власть, и сняв все золото со своих рогов и копыт, положили в казну.

— А где же золотые коровы? — спросил звездочет.

— Да вот они! — сказал пастух.

Звездочет посмотрел в ту сторону, откуда доносился звон колокольчиков, и увидел обыкновенное стадо рыжих коров.

В досаде — уж не смеется ли над ним пастух — он отшвырнул далеко от себя звездный камень.

Все исчезло. И звездочет снова очутился на том самом месте, где поднял камень. Долго он искал его. Но так и не нашел.

— А теперь пора спать, — заключил свой рассказ глобусный человечек.

Не выпуская из рук звездного камушка, Дикси заснула.

И вот камушек потихоньку начал светиться. Сперва зажглась на нем чуть заметная золотая точка. Эта точка разгоралась все ярче и ярче, и вдруг камушек, вспыхнув, стал золотым. Все вокруг осветилось. Дикси с удивлением огляделась. Она идет по голубой земле, а рядом шагают в ногу глобусный человечек и кот Блэк.

— Вот видишь, Дикси, — говорит глобусный человечек, — звездочет сказал мне правду о голубом острове.

Они то подымались, то шли спускаясь по узенькой горной тропинке, и очутились у озера. На берегу сидел пастух, при их появлении он даже не пошевельнулся.

— Хорошо, что пришли, — сказал он наконец, — соскучился я здесь, весь век один с коровами.

— А правда, — спросила Дикси, — этим островом владел когда-то жестокий король Падум?

Тут пастух обернулся. Его глаза зажглись оранжевым огнем, и Дикси с ужасом увидела голубое фарфоровое лицо и рот как у акулы, полный острых зубов.

— Я и есть король Падум, — зло усмехнувшись, сказал пастух. — Спасибо, что пожаловали. Давненько не выпадало мне счастья кого-нибудь казнить!

— Спасайтесь, спасайтесь! — хотел крикнуть Блэк, но от волнения вдруг разучился говорить и только жалобно мяукал. Да было и поздно: Падум сгреб их всех троих в охапку и запер в темный чулан.

— Вот, друзья мои, — сказал Падум, — спите хорошо, отдыхайте, а завтра на заре я казню для почина тебя, Мурлыку, послезавтра твой черед, человечек, а на третий день, Дикси, твоя очередь.

И злорадно хохоча, он пошел к своему золотому стаду.

Дикси с надеждой посмотрела на глобусного человечка. Она была уверена, что он спасет их. Но глобусный человечек безучастно сидел в углу, прислонясь к стене. Дикси подбежала к нему и увидела, что он прекрепко спит. Она принялась

трясти его, но никак не могла разбудить, глобусный человечек все клонился набок. Напрасно, напрягая все силы, Дикси старалась его поддержать — он повалился наземь, как мешок, набитый песком.

— Что нам делать! — с отчаянием воскликнула Дикси.

— Великодушная моя хозяйка, — сокрушенно сказал кот Блэк, — все случившееся — наказание за мои грехи. Вчера, потихоньку от кухарки Эммы, я стащил большой кусок творогу, а две недели тому назад, перерыв из любопытства корзинку с провизией, съел нечаянно одну рыбку. А когда мы были на Зеленой Звезде, я чуть не погубил мышку-маяк!

Кот горько каялся.

— Дикси, — позвал чей-то незнакомый голос.

Дикси поглядела по сторонам. Никого не было видно.

— Наклонись к земле, — говорил все тот же голос, — и ты меня увидишь.

Дикси нагнулась и увидела светлячка.

— Ты хоть и очень выросла, Дикси, но я тебя сразу узнал, — сказал светлячок. — Ты спасла мне жизнь, и я никогда этого не забуду. Я жил в вашем саду. В то утро, как обычно, садовник устроил дождь из зеленой тучи-лейки. Я попал в бушующий поток среди дорожки и наверно погиб бы, но ты вытащила меня и положила сушиться на солнце. Теперь мой черед помочь тебе и твоим друзьям. Слушай! Я знаю о замыслах короля Падума. Казнить вас ему расхотелось и он только ждет утра, чтобы всех вас троих покрыть голубой эмалью и засадить на веки вечные пасти его золотых коров. Пока он спит, я постараюсь вывести вас отсюда.

Светлячок зажег у себя на спине фонарик, и Дикси увидела в стене прямо перед собой подземный ход.

— Следуйте за мной, — сказал светлячок, — каждая минута дорога!

Кот Блэк и Дикси побежали за светлячком по подземному ходу, волоча за собой спотыкавшегося глобусного человечка.

Они совсем запыхались. Наконец, вдали забрезжил свет, и они очутились у выхода. Перед ними расстилался широкий зеленый луг. На краю луга Дикси с удивлением и радостью увидела

между деревьями крышу своего дома. Но светлячок озабоченно погасил свой фонарь.

— Теперь предстоит самое трудное, — сказал он, — посчастливится ли нам перебежать луг. Ведь здесь Падум обычно пасет своих золотых коров.

Стараясь не шуметь, они снова пустились бежать, но не достигли и середины луга, как с ужасом увидели мчавшихся им наперерез разъяренных коров.

У Дикси дух захватило. Страшные коровы их настигали. Верхом на первой, сверкая оранжевыми глазами и щелкая огромными челюстями, скакал король Падум.

Дикси уже слышала за своей спиной топот и храп коров, ее обдавало их горячим дыханием. Падум протянул свои длинные костлявые руки, чтобы схватить ее. Дикси закричала — и проснулась.

Она лежит у себя дома, на своей постели. Утро, и надо вставать и идти в школу. Но сегодня Дикси об этом подумала с радостью. Она быстро оделась и побежала в столовую. В окно светило солнце, и на фарфоровых чашках и сахарнице сверкали серебряные искорки. Кот Блэк, выгнув спину, терся о ножку Диксиного стула. Мех его черной бархатной шубки казался особенно гладким и блестящим.

— Правда, Блэк, как хорошо дома? — сказала Дикси.

Блэк ничего не ответил, но замурлыкал еще громче.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ШВЕЙЦАРИЮ

Пришла зима, и глобусный человечек стал появляться все реже. Он плохо переносил центральное отопление — у него пересыхало в горле и болела голова.

Как-то вечером глобусный человечек помогал Дикси готовить заданный на завтра урок по географии — требовалось указать на карте самые высокие горные вершины в Европе. Учительница рассказывала в школе, как отважные альпинисты совершают восхождения, и Дикси ужасно захотелось самой взобраться на какую-нибудь высокую снежную гору.

Она стала просить глобусного человечка повезти ее в Швейцарию на Юнгфрау. А глобусному человечку в этот вечер совсем не хотелось ехать, особенно в Швейцарию — злое предчувствие темным облачком стояло как раз над Юнгфрау. Но Дикси имела все права на путешествие: всю неделю она ни разу ни в чем не

провинилась, все были ею довольны и в школе и дома. Как обычно, они хотели взять с собой Блэка, но кот куда-то запропастился. Напрасно Дикси звала его, он так и не пришел. Тогда решили ехать одни, без него. Может быть и лучше, что Блэк не поедет, — думала Дикси. Она слышала про Сен-Бернарских собак, но не была уверена, берут ли в альпийские экспедиции котов.

Они вошли в глобус, и не прошло и мгновенья, как очутились в Швейцарии, в небольшой горной гостинице. Там было уже много народу, все готовились к экспедиции. В камине жарко пылали поленья, а в окне, во всей своей снежной красоте, сияла Юнгфрау.

Глобусный человечек тоже принялся тщательно готовиться: снял со спины брезентовый мешок и вынул из него две пары башмаков на толстых подошвах, подбитых железными гвоздями. Одна пара для него, другая как раз по ноге Дикси. Он густо смазал их свиным салом. Еще достал он из мешка множество необходимых для альпиниста вещей: спальный мешок, желтый вязаный шарф, шерстяные носки и теплые фуфайки. Смешав красное вино с водой, наполнил кожаную флягу, а за пояс заткнул кирку. Он объяснил Дикси, что кирка в горах — главный друг человека, можно зацепиться за скалу или вырубить во льду ступеньки. Только тут Дикси заметила, как глобусный человечек одет: два коричневых оленя были вышиты на его зеленой куртке, а на голове была круглая шапочка с длинным рябеньким пером.

Дикси размечталась: вот она, привязанная веревкой к глобусному человечку, подымается на самую верхушку Юнгфрау и по дороге сбивает киркой ледяные сосульки. Но тут что-то произошло с глобусным человечком. На его лице вдруг изобразилось отчаяние. Схватив Дикси за руку, он в ужасе закричал: «Все рушится, глобус исчез! Я сейчас умру!» Он зашатался, и Дикси увидела, как в его глазах замелькали все страны света, горы, моря, реки. Он сделал странный пируэт, и конечно упал бы, но Дикси крепко обхватила его поперек туловища.

И хотя в комнате все оставалось на своем месте, глобусный человечек продолжал кричать и задыхаться. Дикси усадила его у окна, но он все так же охал, повторяя, что теперь, когда глобус исчез, он умрет.

— Я не могу долго оставаться на одном и том же месте, — бормотал он, — в глобусе я находился сразу во всех странах света.

А произошло вот что: уже около недели, как в доме Дикси гостил ее двоюродный брат Ник, большой забияка. Он постоянно дразнил Дикси, а коту Блэку из озорства, когда Блэк спал, отстриг один ус.

Как-то Дикси проговорилась о глобусном человечке. Ник и виду не показал, что это его хоть сколько-нибудь интересует, а сам задумал при первом удобном случае унести глобус к себе и посмотреть, правда ли в глобусе живет какой-то человечек. И как раз в этот вечер, когда родители Дикси ушли в гости, а Дикси с глобусным человечком поехали в Швейцарию, Ник решил осуществить свою затею. Прежде всего он обманом завлек кота Блэка на чердак и там запер его. Потому-то Дикси и глобусный человечек не могли в этот вечер дозваться Блэка и уехали без него. Заперев Блэка, Ник подкрался к Диксиной комнате и стал подсматривать в замочную скважину. Он видел, как Дикси подошла к глобусу и вдруг исчезла. Свет погас. Ник, подождав немного, тихонько открыл дверь, ощупью добрался до глобуса, схватил его и бросился к себе.

Напрасно, стоя у двери чулана, Блэк громко мяукал. Его никто не услышал. Напрасно пробовал приоткрыть дверь лапой — Ник позаботился запереть дверь на ключ. Тогда Блэк принял героическое решение. Он вскарабкался по стоявшим тут сундукам под самый потолок и вылез через слуховое окно на крышу. Гудела метель, снег залеплял глаза, а ветер старался сбросить его с крыши и унести в черную бездну. Но кот Блэк не впервые был на крыше. Он мужественно подошел к самому краю. Блэк был великолепный гимнаст и решил спуститься по водосточной трубе. Выпустив когти, он крепко обхватил трубу всеми четырьмя лапами и медленно начал спускаться. И вдруг увидел, в одном из окон горит свет. Тогда он перелез с трубы на карниз и пошел к окну. Карниз был такой узенький, что у всякого другого пропала бы охота идти дальше, но не таков был кот Блэк. Конечно, он любил прихвастнуть и не всегда говорил правду, но все же в душе он был честный и храбрый кот.

Разметав снежные космы по небу, на огромных черных конях мчалась вьюга. Она увидела, как Блэк идет по карнизу, и с хохотом стала дуть на него тысячей ледяных ртов и хватать тысячей костлявых ледяных пальцев.

На одно мгновенье Блэк даже потерял равновесие, и его задние лапы соскользнули и повисли над бездной. Но он удержался передними лапами и подтянувшись, опять влез на карниз и наконец добрался до освещенного окна. Блэк заглянул в окно. Посреди комнаты стоял глобус, и Ник, вооружившись кухонным ножом, собирался разрезать его пополам. Блэк, не долго думая, вышиб лбом форточку и прыгнул прямо на глобус.

Выгнув спину, со вставшей дыбом шерстью, кот замяукал так грозно, что Ник позорно заревел от страха и стал звать на помощь. На его крик прибежала кухарка Эмма. Разбранив Ника и отняв у него нож, она отнесла глобус к Дикси в комнату, а заиндевелого Блэка растерла мохнатым полотенцем, и усадив его возле плиты, поставила перед ним блюдце теплого молока с ромом. Кот Блэк остался всем очень доволен. А когда Эмма ушла, он тихонько забрался в комнату Дикси и стал пробовать влезть в глобус. Ему нетерпелось поскорее присоединиться к Дикси и глобусному человечку. Но без глобусного человечка глобус не хотел открываться. Блэк так долго возился, так толкал и бодал его головой, что в конце концов глобус вместе с испуганным Блэком повалился на пол. И в то же мгновение, за тысячи миль, где-то в Швейцарии, в комнате, где находились Дикси и глобусный человечек, все закружилось, большой шкап с посудой важно поплыл по паркету, дубовые кресла запрыгали как лягушки, стало совсем темно. Дикси и глобусный человечек перевернулись вверх ногами и очутились у Дикси в ее комнате.

— Кот Блэк, — торжественно произнес глобусный человечек, — если бы Ник разрезал глобус пополам, мы больше не могли бы вернуться домой. Дикси было бы еще не так плохо. За ней поехали бы в Швейцарию ее родители. Ну, а я... — глобусный человечек махнул рукой, — я бы погиб. Вы спасли мне жизнь. Так вот позвольте, мужественный друг, наградить вас самым высоким на земном шаре знаком отличия: орденом Голубого Ящура!

И глобусный человечек достал из кармана эмалевого ящура и повесил его на шею плакавшему от счастья Блэку.

— Теперь я расскажу вам обоим историю этого замечательного ящура, — продолжал глобусный человечек.

ОРДЕН ГОЛУБОГО ЯЩУРА

Жил на свете гордый человек. Он признавал только тех, у кого всего было во сто крат больше, чем имел он сам. Однажды он встретил голубого ящура и был поражен его необыкновенной окраской. «Как ты, простой ящур, добился, чтобы стать голубым как небо?» спросил гордый человек. «Мне ничего не надо было добиваться, — ответил ящур, — таким меня создал Творец. Я это понял и всю свою жизнь старался поступать так, чтобы моя одежда оставалась незапятнанной».

Тут человеку стало стыдно своей гордыни. В самом деле, чего он возносится! И кто такие те, кто богаче его, и кого он считает вровень себе? И кто такой сам он? И разве богатство вечно как небо? С тех пор он всегда старался брать пример с голубого ящура. Вскоре этот человек стал в пример и для других, и от него пошел орден Голубого Ящура.

БЕСКРЫЛАЯ ЛАСТОЧКА

— Мне хотелось бы поехать с тобой в Колорадо, — однажды сказал глобусный человечек Дикси. — Ты только из окна поезда видела тамошнюю пустыню, горы и безбрежные, в золотых колосьях, поля. А я там был, и не раз; послушай, какую чудесную повесть рассказал мне один старый негр. Он часто сидит на паперти и с глиняного блюда кормит ласточек. Вот как, по его словам, это было.

В небольшом селении, среди песков пустыни, где при восходе солнца красные скалистые горы горят драгоценными рубинами, жила прачка Молли и ее сын Перси. Весь день Молли проводила на речке за стиркой белья, а Перси бегал по соседним дворам, задирая чужих ребятишек. Докучал пострел и взрослым, и на него постоянно жаловались. Сам он считал себя всех умнее и был уверен, что ему все сойдет. Мать огорчалась, и однажды, когда

Перси сильно напроказил, она не выдержала и пожаловалась священнику. Священник и сам видел, как все отшатнулись от Перси — и большие и дети, и необходимо было прибрать его к рукам.

В церкви перед алтарем стояли золотые вазы с цветами. Каждое утро Перси, по приказанию священника, должен был менять в них воду. Расставив цветы по местам, он обычно задерживался в церкви. Стоя перед золотыми вазами и таращась на пестрые цветы пустыни, Перси крепко молился: он назойливо приставал к своему святому Перси, чтобы святой дал ему крылья.

Расхаживая по церкви, он пристально рассматривал на стенах крылья архангелов, будто примеряя их к себе, и только мешал ангелам — ангелы каждое утро украшали небесными цветами церковь. И среди ангелов, как и среди людей, поднялся ропот, но ангелы не отгоняли его.

Это случилось осенним утром. Перси только что переменил воду в золотых вазах и начал свою молитву к своему святому, как вдруг влетела в окно ласточка, упала на каменный пол и не поднялась. И уже не у святого, а у ласточки стал просить Перси крылья.

— Тебе все равно больше не летать, — говорил Перси ласточке, — отдай мне свои крылья!

— Зачем тебе крылья? Тебе даны руки и ноги, — хотела сказать ласточка, но сил нехватило. С последним биением нетерпеливого птичьего сердца она отдала Перси свои синие крылья.

Ангелы все видели и все слышали. С грустью посмотрели они на Перси. Синей ласточкой улетел он в окно.

Синей ласточкой летит Перси. Как бы хотелось ему показаться в родном поселке большим и детям — похвастать: «Гляньте! Какие блестящие крылья!» Но он летел и не мог остановиться: крылья не слушались его.

Минуя деревушку, крылья перенесли его через горы, и все выше летел Перси над морем, и летел не один, а в стае ласточек. Напрасно звала его мать — где там услышать с такой высоты! Да и не волен был он вернуться.

Туловище у него ласточкино, а голова — его, Перси: на чер-

ных кудряшках красная шапочка с белой кисточкой. Ему эту шапочку связала мать.

Перси казалось, нет и не будет конца полету — все лететь ему, перелетая моря и горы, и вдруг как-то сами собой крылья сложились, и он очутился на высоком дереве.

Первым его заметил носатый дрозд.

— Человек-ласточка — какое убожество!

— Как он безобразен! — прошуршала сухим листом пальма.

Южный ветер поднял было свою руку прогнать с дерева мальчика-ласточку, но тут вступился соловей:

— Если кто из вас тронет мальчика-ласточку, или хотя бы шерстинка упадет с кисточки его красной шапочки, я вас навсегда покину.

Насмешки сразу оборвались. Как настоящая ласточка, Перси спрятал голову под крыло и тихо заснул.

Вместе с крыльями Перси перенял у ласточек их добрый, веселый нрав, из сорванца и задиры сделался кротким и внимательным, стал помогать и своим и чужим, предупреждая об опасности; распутывал и самые замысловатые силки, в которые не раз попадались доверчивые птицы.

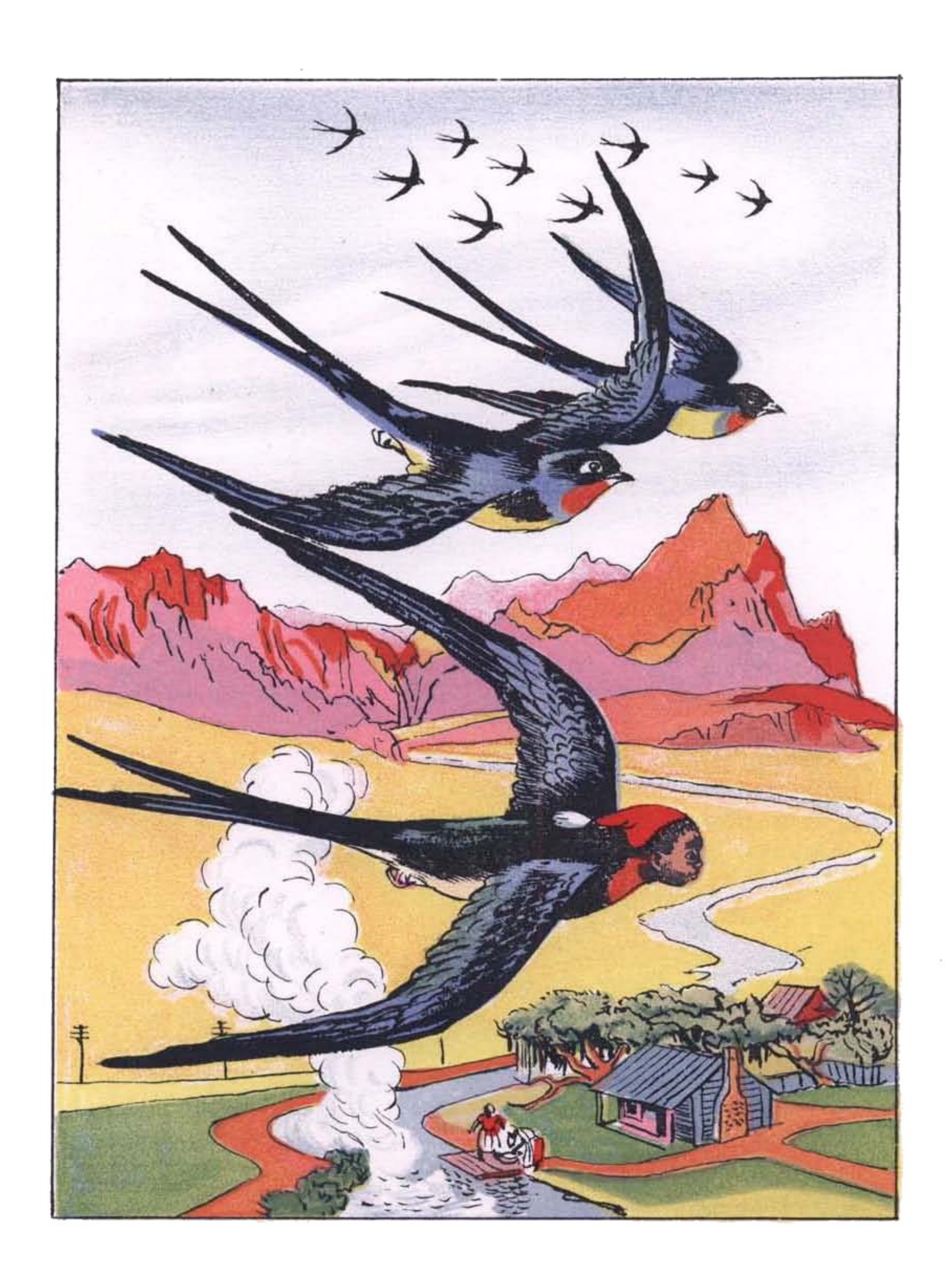
Каждую осень Перси улетал с птицами в теплые края, не боясь ни дальних перелетов, ни гиблых пропастей.

Уставших и больных птиц он нес в своей красной шапочке.

И всякий раз, когда стая Перси возвращалась из теплых стран, ласточки пролетали над бедным домом Молли, над желтыми песками, над церковью и речкой. И в речке, там где стирала белье негритянка Молли, закипала вода. Это Перси жалел мать, это его молитва заставляла вскипать студеную воду. Как бы он хотел обнять мать! Но крылья несли его дальше.

С тех пор, как пропал Перси, было у Молли одно утешение: она верила — хоть Перси и был озорной, докучал соседям, все же, если Бог прибрал его, как все дети он обратится в ангела и будут у него крылья белее, чем только что выстиранное ею белье. Кроме того, она почему-то верила, что еще хоть разок она увидит сына.

Однажды, когда в своей стае Перси летел на родину, охотник

подстрелил мальчика-ласточку. Перси упал бы на землю, как когда-то ласточка на каменный пол церкви, но птицы подхватили его с двух сторон и продолжали лететь, а когда поровнялись с домом матери Перси, они бережно опустили его на песок у порога.

Как обрадовалась мать — ее сын Перси вернулся!

— Я знала, что ты ангел, но почему у тебя такие крылья, ведь это крылья ласточки?

Перси разучился говорить и вместо слов только слабо попискивал.

И глядя на крылья сына, не ангельские, а ласточкины, Молли вспомнила, что в то осеннее утро, когда пропал Перси, она заметила на каменных плитах церкви мертвую бескрылую ласточку. Вспомнила и то, как бывало весной, когда над речкой пролетали перелетные птицы, вдруг закипала студеная вода и мыть белье было одно удовольствие.

И если не все, то самое главное поняла мать.

Как былинку подняла Молли сына-ласточку в красной шапочке с белой кисточкой, которую связала она много лет тому назад, и понесла его в церковь. И в церкви положила его на то самое место, где лежала когда-то бескрылая ласточка. Крепко поцеловала она сына, так как знала, что здесь на земле это их последняя встреча.

Ангелы сняли с Перси крылья ласточки и нарядили его в свои ангельские. И стал Перси каждое утро вместе с другими ангелами убирать церковь небесными цветами и менял воду в золотых вазах.

А его мать Молли больше не убивалась и за стиркой на речке с гордостью думала о белокрылом ангеле Перси.

ПРОГУЛКА ПО САДУ

Дикси подросла. По вечерам часто сидела она со взрослыми или шла к соседским девочкам. Играя в куклы, они обыкновенно рассказывали друг другу, как станут жить, когда будут большие. Дикси теперь не так часто мечтала о путешествиях, да и глобусный человечек должен был совершить ряд поездок в тундру и на острова Ледовитого океана. Кот Блэк последнее время прихварывал, и Дикси боялась простудить его в дороге, а оставлять одного дома

ей было жалко. Но когда наступило лето, Дикси опять потянуло поехать куда-нибудь с глобусным человечком. И вот в одну чудесную июльскую ночь глобусный человечек вернулся.

— Как я соскучилась без тебя, — вся сияя от радости сказала Дикси, когда глобусный человечек вышел из открывшейся в глобусе дверцы. — Куда мы поедем сегодня?

— Сегодня мы предпримем замечательное путешествие, — сказал глобусный человечек, — мы пойдем погулять в твой сад.

Какое это было разочарование для Дикси! Она ждала, что глобусный человечек повезет ее в какую-нибудь неведомую страну, и вдруг вместо этого придется гулять в их садике, где ей знаком каждый куст. Но она не стала возражать, и хотя была очень огорчена, тихонько сказала:

— Хорошо, глобусный человечек, как ты хочешь.

Глобусный человечек вскарабкался на подоконник и поднял штору. В открытое окно Дикси увидела сад — и не узнала его.

Над верхушками дружно толпившихся темносиних елок смотрела из ночи луна, и в сиянии лунного света воздвигался в саду призрачный дворец из воздушного дымного мрамора и золота, а прямо перед окном, на покрытой лунным инеем лужайке, прыгали и играли среди цветочных клумб два серебряных зайца. Дикси от удивления не могла выговорить и слова.

А Блэк, ухватив забытый Ником австралийский бумеранг, проворно прыгнул в окно. Вслед за Блэком соскочил в сад и глобусный человечек, а за ним Дикси.

Глобусный человечек взял Дикси за руку и они пошли по дорожке. От стволов деревьев тянулись длинные голубые тени. В тишине ночи сад жил своей таинственной жизнью.

— Ты думала, что знаешь свой сад, — сказал глобусный человечек, — да, конечно, все тебе тут привычно: трава, деревья, кусты, но ты никогда на них по-настоящему не смотрела. Ты не замечала, а ведь у каждого листика свое особенное, не такое как у других, личико — ты не найдешь и двух одинаковых. Или анютины глазки: замечала ли ты, что некоторые из них косенькие? А

гвоздики! Вглядись попристальней — и ты увидишь, что сердечки у них разного цвета.

— Дикси! — прошуршала трава, — мне давно уже обещана стрижка, мне б под гребенку бобриком, теперь это самое модное. Пожалуйста, напомни, чтобы взяли из починки ножницы, а то посмотри какие вихры!

— Непременно скажу, — смущенно ответила Дикси.

— Да, не забудь, — вмешался глобусный человечек, — помни, эта немудреная травка — кладовая жизни для людей и для зверей. Ты верно видела, как белка прячет на зиму орехи, зарывая их в землю. А вот солнце, еще с весны, все лето и осень прячет часть своих лучей в свои кладовые — в траву, в овощи, в плоды, а потом звери и люди съедают спрятанные в зелени солнечные лучи и становятся здоровыми, веселыми и добрыми.

Я никогда не видела таких красивых цветов, как в нашем саду, — думала Дикси, перебегая от клумбы к клумбе.

Среди настурций, держа тростинку в лапе, бирюзовая стрекоза что-то выводила на лунном луче.

— Ах, как трудно! — бормотала она, — ах, как трудно!

— Чем вы так заняты? — участливо спросила Дикси.

— Учу географию, — собрав на выпуклом лбу морщинки, сказала стрекоза. — С тех пор как все стали летать — даже наша черепаха полетела на какие-то Петушиные острова — земной шар стал таким маленьким! Необходимо знать, что делается у других. Нынче без географии, — закатывая глаза продолжала ученая попрыгунья, — нельзя попасть ни в одно образованное общество. Первое, что вас спрашивают: «знаете ли вы сколько частей света». Все это так важно, так важно! — заохала стрекоза, и высоко подняв над головой тростинку, снова принялась чертить на лунном луче таинственные знаки.

Попрощавшись с прилежной стрекозой, Дикси побежала дальше. Ей хотелось поскорее осмотреть весь сад.

— Дикси, — позвал пион, гордо покачиваясь на длинном стебле, — наша семья украшает ваш дом с тех пор, как ты на свете. Как я счастлив поговорить с тобой!

— Мама любит вас больше всех цветов в саду, — наклонив-

шись к розовой голове пиона, тихонько, чтобы не обидеть другие цветы, сказала Дикси. И пожав сложенную листочком тоненькую руку пиона, прыгнула на дорожку.

«Мир велик и прекрасен, и каждая пядь земли — целый мир!» вспомнила Дикси слова глобусного человечка. «И вправду каждый уголок в нашем саду прелесть какой! А ножницы для чубастой травки завтра же возьму из починки». Завязав потуже распустившийся шнурок на ботинке, она побежала и вдруг остановилась. Навстречу ей в бархатном черном камзоле, держа подмышкой толстую рукопись, неторопливо шел крот.

— Не можете ли вы дать мне одну важную справку? — вежливо приподняв шляпу, обратился крот к Дикси.

— Справку? — удивилась Дикси, — о чем?

— Видите ли, — с достоинством сказал крот, — я пишу большой труд: «Кроты в мировой истории». А вы, кажется, недавно посетили Египет. Не бросилось ли вам в глаза, что один из иероглифов является изображением крота?

Дикси растерялась и должна была сознаться, что ничего об этом не знает.

— Конечно, это вас не интересует, — уязвленно заметил крот.

— Что вы, очень интересует, — запротестовала Дикси, — я даже хотела просить вас прочитать мне вашу рукопись.

— Что же, — смягчился крот, — я и сам об этом думал. Это мой дневник.

Чтобы лучше видеть, крот расправил волосы над своими крохотными подслеповатыми глазками, надел черные очки, и перелистав несколько страниц, начал:

«Говорят, я нелюдим. В известном смысле это правда. Как все выдающиеся личности, я стою настолько выше моих современников, что обречен на одиночество. Исключение я делаю только для моего соседа. Иногда мы сражаемся с ним в шашки — игра, достойная внимания даже самых мудрых. Однажды, по моему приглашению, взяв с собой шашки, он отправился ко мне в гости. Но напрасно в продолжение двух часов он искал входа в мой дом. С тех пор он мой злейший враг. Он уверен, что я хотел над ним

посмеяться: пригласить-то пригласил, а сам съехал. Кроме того, покуда он искал крышу моего дома, он потерял одну шапку, и обвиняет меня, будто я ее украл. А во всем виновата Дикси. Это она, без всякой видимой причины, утоптала вровень с землей песчаную крышу моего дома».

Крот свернул рукопись и поверх очков укоризненно посмотрел на Дикси.

— Я не знала, что эта горка взрытой земли — крыша вашего дома, — начала было сконфуженная Дикси, — простите меня пожалуйста, я больше никогда не буду...

Вдруг из глубины сада раздался отчаянный вопль кота Блэка. Дикси побежала на зов: за кустом черной смородины ничком на земле лежал Блэк. Дикси показалось, что кот умер. Но тут Блэк приподнял голову и заговорил, обращаясь к кому-то, скрытому от Дикси кустами.

— Где я? Верно это ад? Сжальтесь, Ваше Величество, не мучайте меня!

Бедный Блэк, он бредит! — подумала Дикси

— Я буду вашим рабом, но знайте, я люблю мою хозяйку Дикси и никогда не изменю ей ради вас. Я даже не знаю вашего имени, жестокий повелитель! — застонал Блэк.

— Зови меня просто Герициус, — ответил из-за куста незнакомый Дикси голос. Дикси подошла поближе, и заглянув за куст увидела, что тот, кто так важно величал себя Герициус, оказался самый обыкновенный ежик.

— Ваш кот сейчас очухается, — сказал ежик, — а пока я вам расскажу, что с этим плутом приключилось. Он задумал сбить бумерангом сидевшую на ветке сову, а вы знаете свойство австралийского бумеранга возвращаться обратно к тому, кто его бросает. Блэк не был к этому готов. Он запустил в сову бумерангом, но посторониться не догадался. В сову не попал, а бумеранг, описав в воздухе дугу, хлопнул его по лбу. Вот Блэк и растянулся, правда не так от боли, как от неожиданности и страха.

Еж ушел. Дикси перевернула испуганного кота на спину и принялась приводить его в чувство.

Блэк открыл глаза. И убедившись что жив, обрадовался.

— Милая Дикси, — сказал он, — как я счастлив, что опять вижу землю, и ты попрежнему моя хозяйка, а не этот гордый дух Герициус!

Блэк долго не хотел верить, что Герициус — латинское имя ежа.

— Нет, нет, — упирался Блэк, — какой это еж! я чувствовал, как он держал меня в своих адских когтях.

Когда они вернулись домой, и глобусный человечек собирался их покинуть, прощаясь, Дикси сказала:

— Спасибо тебе, глобусный человечек. Мне кажется, это было самое чудесное из всех наших путешествий. Сегодня я поняла, как на самом деле прекрасен наш сад, казавшийся мне таким обыкновенным.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Дикси исполнилось девять лет, она впервые надела туфли на каблучках, а свои золотые локоны заплела в одну толстую косу.

Весь этот день она провела со своими подругами. Гости ушли, пора было ложиться спать, а она все сидела и ждала глобусного человечка.

Вдруг глобус, как всегда неожиданно, зажегся; посыпались золотые искры. Дикси очнулась. На стенах комнаты появились хорошо ей теперь знакомые страны, горы, реки и моря. Из малень-

кой дверки вышел глобусный человечек. Он был в новом клетчатом ватерпруфе, а в руке он держал свой старенький чемодан.

— Ну что же, Дикси, куда мы сегодня поедем? — спросил он, ласково улыбаясь.

Дикси хотела влезть в глобус, но одним каблуком попала на Северный полюс, а другим зацепилась за мыс Доброй Надежды. И правда, она очень выросла за этот год.

— Да, Дикси, ты уже большая девочка, — сказал глобусный человечек, — а я и так у тебя засиделся. Теперь я поселюсь в глобусе у одного хромого мальчика, который давно мечтает объехать весь свет.

Он горячо обнял Дикси, крепко пожал лапу плакавшему навзрыд Блэку, и открыв в глобусе дверцу, исчез.

— Прощай, глобусный человечек!

CET OUVRAGE
A ÉTÉ IMPRIMÉ A PARIS
LA LITHOGRAPHIE
PAR MOURLOT FRÈRES
LA TYPOGRAPHIE
PAR L'IMPRIMERIE UNION

